

LONDON.

Город в огне.
Женщина в бегах.
Убийца, жаждущий мести.

Лондон В ОГНЕ

Впервые на русском!

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

The Big Book

Эндрю Тейлор
Лондон в огне

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тейлор Э.

Лондон в огне / Э. Тейлор — «Азбука-Аттикус», 2016 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24323-1

ГОРОД В ОГНЕ. Лондон, 1666 год. Великий пожар превращает улицы в опасный лабиринт. В развалинах сгоревшего собора Святого Павла находят тело человека со смертельным ранением в затылок и большими пальцами рук, связанными за спиной, – это знак цареубийцы: одного из тех, кто некоторое время назад подписал смертный приговор Карлу I. Выследить мстителя поручено Джеймсу Марвуду, клерку на правительственной службе.

ЖЕНЩИНА В БЕГАХ. Марвуд спасает от верной гибели решительную и неблагодарную юную особу, которая ни перед чем не остановится, чтобы отстоять свою свободу. Многим людям в Лондоне есть что скрывать в эти смутные времена, и Кэт Ловетт не исключение. Как, впрочем, и сам Марвуд...

УБИЙЦА, ЖАЖДУЩИЙ МЕСТИ. Когда из грязных вод Флит-Дич вылавливают вторую жертву со связанными сзади руками, Джеймс Марвуд понимает, что оказался на пути убийцы, которому нечего терять и который не остановится ни перед чем. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24323-1

© Тейлор Э., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

От автора	7
I	8
II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эндрю Тейлор

Лондон в огне

Andrew Taylor
THE ASHES OF LONDON

Copyright © Andrew Taylor, 2016
All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© А. Д. Осипова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Эндрю Тейлор (р. 1951) – британский автор детективных и исторических романов, удостоенных многих литературных наград, таких как высшая премия Ассоциации писателей-криминалистов Великобритании «Алмазный кинжал», премия Ассоциации писателей-историков «Золотая корона», премия «Барри».

Перу Тейлора принадлежит без малого пятьдесят книг, среди которых международный бестселлер «Загадка Эдгара По» (в оригинале «The American Boy») и «Анатомия призраков», в 2011 году получившая премию «Тикстон Олд Пекьюлер» за лучший детективный роман.

Исторический детектив «Лондон в огне» открывает цикл о Джеймсе Марвуде и Кэт Ловетт, посвященный эпохе английской Реставрации. Как и многие последующие романы цикла, книга стала бестселлером номер один по версии «Times/Waterstones».

* * *

Эндрю Тейлор проводит мастер-класс как построить хорошо изученную историю в сложный сюжет.

The Times. Books of Year

Тейлор – один из лучших авторов, пишущих на исторические темы; его романы всегда достоверны и увлекательны... В этой книге он демонстрирует свое обычное владение сюжетом и историческим фоном.

The Sunday Times

Потрясающая литература: интеллектуальная, захватывающая, напоминающая о давно исчезнувшем Лондоне, удивительно правдивая.

Daily Telegraph

Захватывающая картина эпохи, написанная смелыми красками... Многочисленные сюжетные линии сведены воедино в блестяще срежиссированном финале.

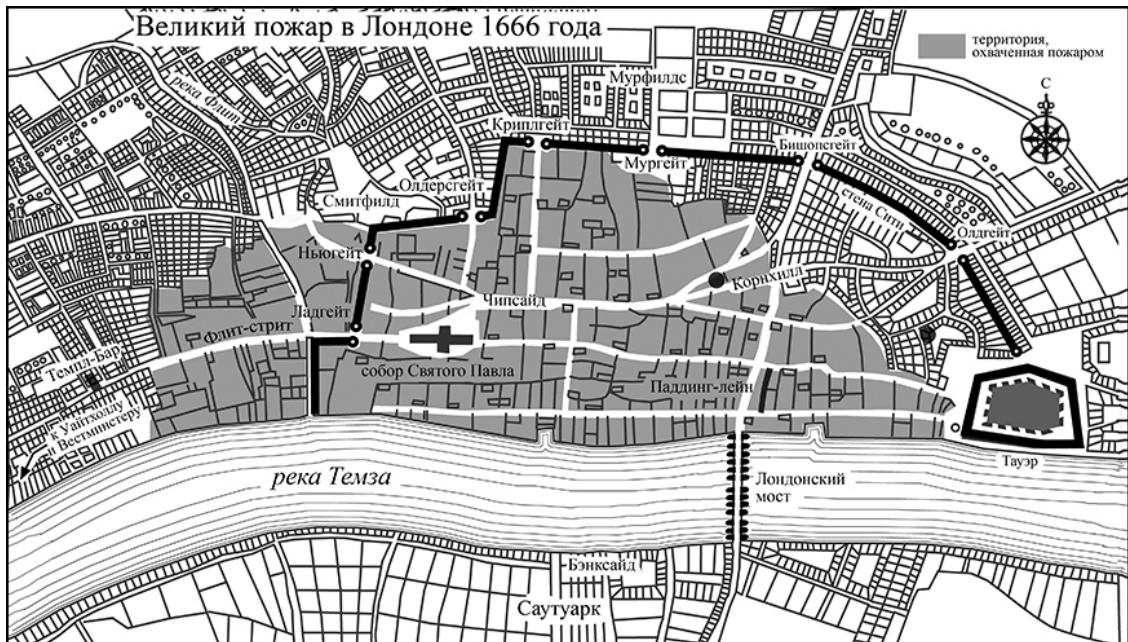
Financial Times

«Лондон в огне» – это увлекательная история, основанная на реальных событиях. Пожалуй, новый Шардлейк К. Дж. Сэнсома может восстать из пепла этой истории.

The Times

* * *

Как всегда, посвящается Кэролайн

От автора

1 сентября 1666 года Лондон был третьим по величине городом в европейском мире после Парижа и Константинополя. Оценки разнятся, но, по всей видимости, численность его населения составляла примерно 300–400 тысяч человек.

В городе было три основных центра политической власти, рассредоточенные по северному берегу Темзы – так же, как и сейчас. Богатство торгового сословия было сконцентрировано в окруженном стеной средневековом Сити между Тауэром на востоке и собором Святого Павла на западе. В миле от Сити, вверх по течению, за Чаринг-Кросс, раскинулся Уайтхолл, дворец Тюдоров и Стюартов: это была главная лондонская резиденция короля и средоточие исполнительной власти государства. А за Уайтхоллом располагался Вестминстер, где в бывшем королевском дворце заседал парламент.

Река связывала эти центры власти и позволяла легко перемещаться из одного в другой. А вокруг постоянно росли предместья. Лондонский мост – в то время между ним и мостом в Кингстоне в десяти милях выше по течению других мостов не было – связывал Сити с Саутуарком на южном берегу Темзы, а сам по себе Саутуарк размерами мог сравниться со многими городами XVII века. К тому же река являлась главной торговой артерией, причем это касалось как внутренней, так и внешней торговли.

В 1660 году Карл II вернул себе трон, и большинство его подданных ликовало. За предыдущие двадцать лет сотни тысяч человек погибли во время Гражданской войны между короной и парламентом, жертвой этого конфликта стал и отец Карла, которого в качестве эффективного символа казнили перед его же собственным Банкетным домом, особняком для приемов на территории дворца Уайтхолл. Затем Оливер Кромвель при поддержке армии установил в стране беспощадный и кровавый, но эффективный режим. Однако, когда в 1658 году Кромвель скончался, Английская республика быстро развалилась, и Реставрация – восстановление монархии – казалась единственным осуществимым способом объединить государство.

Но через шесть лет восторги поутихли. Расточительность двора короля приводила в ужас и возмущала его более здравомыслящих подданных. Религия стала постоянным источником конфликта: англиканская церковь, восстановленная вместе с монархией, относилась крайне недоверчиво к несогласным с ней протестантам, на которых опирался Кромвель. При этом обе стороны ненавидели католиков: в представлении рядового обывателя те плели заговоры в родной стране и являли собой образец лютой злобы и коварства за рубежом. Правительству постоянно не хватало денег, в связи с чем проводимая им политика все время натывалась на препятствия. В довершение всех бед столицу неоднократно поражала чума: в 1665 году, во время самой опасной вспышки заболевания, уровень смертности достиг шокирующего показателя – умер каждый пятый житель Лондона.

Но, несмотря на все это, Лондон рос и процветал. И вдруг 2 сентября 1666 года в пекарне на Паддинг-лейн, в самом сердце густонаселенного старого Сити, начался Великий пожар...

I

Пепел и огонь

4–8 сентября 1666 года

Глава 1

Хуже всего был шум. Не треск пламени, не взрывы и грохот рушившихся зданий, не крики и нескончаемая барабанная дробь или стоны и вопли толпы, а рев огня. Он завывал, будто сам Великий зверь, пришедший в ярость.

Часть крыши нефа провалилась. Ошеломленная толпа ненадолго затихла.

Если бы не это, я бы не услышал всхлипов где-то у моего локтя. Эти звуки издавал мальчик в рваной рубашке, только что протолкавшийся сквозь толпу. Он покачивался – того и гляди упадет.

Я дотронулся до его руки:

– Эй, ты.

Паренек вскинул голову. Казалось, его большие глаза ничего вокруг не видят. Мальчик дернулся, будто хотел убежать, но народ обступил нас со всех сторон. Половина лондонцев, начиная с короля и герцога Йоркского и заканчивая простолюдинами, собралась, чтобы посмотреть на предсмертную агонию собора Святого Павла.

– Тебе дурно?

Мальчика все пошатывало. Я взял его за руку, но он тут же высвободился. Съездившись, он попытался ввинтиться между людьми, стоявшими впереди.

– Да стой ты на месте, – обратился я к нему. – Ближе подойдешь – поджаришься.

Мальчик протиснулся мимо стоявшей рядом женщины и встал с другой стороны от нее. Мы трое стояли рядком, пытаясь что-то разглядеть из-за мужских спин впереди.

Основная часть толпы, и король со свитой в том числе, собралась на церковном дворе к северо-востоку от собора. А мы с пареньком стояли на Ладгейт-стрит к западу от портика. Я задержался по пути в Уайтхолл, а ведь я должен был явиться туда еще час назад: меня вызвал сам господин Уильямсон, а такого человека нельзя заставлять ждать.

Но разве можно оторвать взгляд от подобного зрелища? Оно поражало воображение настолько, что трудно было поверить своим глазам.

Пока что здесь нам ничто не угрожало – если не подходить слишком близко. Некоторые здания между нами и собором Святого Павла снесли в надежде остановить огонь, поэтому холм, на котором стоял собор, хорошо отсюда просматривался. Но пожалуй, надолго здесь задерживаться не следовало. Дым и жар уже сейчас обжигали мои легкие так, что было тяжело дышать.

Хотя на севере и юге пламя перекинулось на другую сторону Флит-Дич, на самой Флит-стрит еще было безопасно, и можно было не бояться, что путь к отступлению будет отрезан. Огонь распространялся со скоростью около тридцати ярдов в час, и точно так же он продвигался с тех пор, как Пожар вспыхнул рано утром в воскресенье. Однако наперед загадывать трудно. Что, если ветер опять переменится? Искры могут отлететь на сотню ярдов, а то и дальше, и нужно только, чтобы им попала подходящая растопка. У огня свои законы, человеческим правилам он не подчиняется.

Реки из расплавленного металла просачивались между колоннами и стекали по ступеням собора. В густой серебристой жидкости отражались всполохи – золотистые, оранжевые, всех цветов преисподней. Это вытекал наружу свинец, лившийся с пылавшей крыши на пол нефа.

Обезумевшие крысы разбежались в разные стороны. Они пронеслись по мостовой так стремительно, что только искры в шерсти мелькали, но некоторые из них уже были охвачены огнем. Другие оказались слишком стары, слабы или малы, чтобы спастись бегством, и поджаривались заживо. Я видел, как три крысы попали под серебристый дождь и не смогли выбраться. Сначала они визжали, потом их тела съежились, и они погибли.

Несмотря на поздний час и дымовую завесу, окутавшую город, из-за яркого зарева казалось, будто сейчас полдень. К тому времени – вторник близился к концу, было восемь или девять часов вечера – собор светился изнутри, словно гигантский фонарь. Даже агонизируя, он выглядел величественнее всех прочих строений вокруг.

Я взглянул влево, за спину женщины рядом со мной, на запрокинутое лицо мальчика. Всполохи пламени придавали его облику нечто нечеловеческое: они будто выжгли всю жизнь, оставив лишь четкий оттиск, напоминавший профиль на монете.

Огонь всегда завораживает, а по сравнению с этим Пожаром его предшественники бледнели. С утра воскресенья я наблюдал, как пылает город. Я помнил Лондон столько же, сколько самого себя. В каком-то смысле в пепел обращалось мое прошлое.

Однако, как ни удивительно, это зрелище пробуждало во мне странный восторг. Какая-то часть меня наслаждалась им. И вместе с тем я думал: «Теперь все должно измениться».

Никто всерьез не верил, что пламя доберется до собора Святого Павла. Он считался неприступным. Расположенный на вершине холма, он столетиями возвышался над Сити и предместьями. Собор был настоящим гигантом – почти шестьсот футов в длину. При старой королеве шпиль упал, и его так и не восстановили. Однако башня осталась, и собственно церковь от нового портика на западе до высокого клироса на востоке поднималась над землей более чем на сотню футов. А сквозь массивные стены не могло проникнуть ничто.

Кроме того, все говорили, что Божья рука защищает собор Святого Павла, ведь огонь уже много раз мог к нему подступить. К востоку от нас пламя уже поглотило школу при соборе вместе с ее величайшими библиотеками: львиная доля моего отрочества прошла там, и меня не слишком опечалила эта утрата. Но до сегодняшнего вечера пламя бушевало вокруг церкви, однако сама она оставалась нетронутой. Собор Святого Павла всегда считался чем-то большим, чем просто церковь или храм: он являлся воплощением самого Лондона. Здесь душа города, и она неуязвима.

Сегодня я надел плащ – нарядный, но не лучший – и, прежде чем отправиться сюда, предосторожности ради окунул его в Темзу. На собственном горьком опыте я убедился, что даже слабая защита от жара и дыма лучше, чем ничего, к тому же я бы, наверное, изнывал от зноя даже без плаща.

Изнутри здания донесся мощный рев. Сгусток пламени взметнулся вверх над клиросом. Огонь вырвался наружу через оконные проемы. Толпу обдало волной раскаленного воздуха. Люди отпрянули.

– Боже мой, – произнес мальчик тонким, исполненным муки голосом. – Крипта загорелась.

Мужчина впереди бросил свою шляпу на мостовую и принялся топтать ее. Он раскинул руки, и из его груди вырвался надрывный стон. Друзья попытались его унять. Это был Мэйкок, печатник.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», – подумал я. По крайней мере, господин Уильямсон будет доволен.

Мэйкок, как и многие его товарищи, хранил свои самые ценные книги, бумаги и кассы с литерами в крипте собора, где располагалась приходская церковь печатников – церковь Святой

Веры. Они предприняли все меры предосторожности: заперли двери на замки и засовы, законопатили каждую щель, через которую внутрь могла проникнуть искра или сквозняк. Даже если собор обрушится им на головы, рассуждали они, книги в церкви Святой Веры спокойно пролежат под полом целую вечность.

Но так же, как и все остальные, они не учли силу и своеобразие ветра. Из-за него вспыхнули склады на церковном дворе. А потом ветер перенес искры от них и от горевших поблизости зданий на крышу над клиросом. Эту крышу чинили уже несколько месяцев, и в тех местах, где свинец был поврежден, прорехи закрыли голыми досками, иссохшими за время засушливого лета. Кружась в воздухе, искры подлетали к ним, а на горячем воздухе доски вскоре воспламенились.

Ветер раздул огонь, и балки, поддерживавшие крышу, запылали. Старый дуб разгорелся жарко, словно битумный уголь. Своды церкви не выдержали жара, и огромные камни рухнули на клирос и в неф. Церковь была сплошь уставлена деревянными лесами, сыгравшими роль растопки. Через каких-то несколько минут внутри уже все пылало.

Выходит, огонь каким-то образом проник и в крипту. Должно быть, дождь из падающих с потолка камней пробил пол клироса. Книги и бумаги, хранившиеся внизу, в церкви Святой Веры, в один миг поглотила огненная стихия.

Вокруг нас тут же стало жарче.

Стоявшая рядом женщина повернулась ко мне:

– Не дай бог, чтобы кто-то там остался.

Голос женщины прозвучал так близко от моего уха, что я кожей почувствовал ее дыхание.

Собор раскалился, будто печь, и уцелеть в нем было невозможно. Жар чувствовали даже мы, и он становился все сильнее. Любой, кто сейчас внутри, либо уже мертв, либо умирает, как те крысы.

Печатник Мэйкок рухнул на мостовую. Друзья взяли его за руки и за ноги и оттащили. После того как они ушли, мальчик, женщина и я оказались в первом ряду.

– Смотрите! Крыша!

Вскинув руку, женщина указала на собор. Ее лицо было залито светом, будто исходящим от божественного видения. Я поглядел в ту сторону. С того места, где мы стояли, был виден юго-западный угол собора, где к нефу жалась маленькая церковь Святого Георгия.

Крыша провалилась с грохотом, заглушившим треск пламени. Раздался пронзительный животный вопль.

Мальчик выбежал вперед и кинулся к собору Святого Павла.

Я крикнул ему:

– Стой!

Но бушующий пожар заглушил мой голос. Выругавшись, я поспешил за ним. Меня обдало волной жара. Я почувствовал запах опаленных волос и обугленной плоти. Казалось, легкие пылали.

Мальчик протягивал руки – к собору? К чему-то или кому-то, кто остался внутри?

Мои шаги шире его шагов, и через двадцать-тридцать ярдов я схватил паренька за плечо и развернул к себе, сбив у него с головы шапку. Обхватив мальчика правой рукой, я потащил его прочь.

Он вырывался. Я схватил его крепче. Он лягал меня по ногам. Я дал ему крепкий подзатыльник, и на некоторое время мальчик затих.

Вокруг нас дождем сыпались искры: их принес свирепый ветер, раздувший пламя. Мы оба заходились в кашле. Спереди на рубашке паренька танцевал язычок пламени. Я прихлопнул его ладонью, но на широком рукаве тут же появился второй. Наконец мальчик сообразил, какая опасность ему угрожает, и вскрикнул в голос. Я сорвал с себя плащ и укутал его тощее тельце, чтобы потушить огонь.

Толпа расступилась, а я все тащил мальчишку прочь от жара. Возле таверны с запертыми ставнями в той части Ладгейта, что относилась к Сити, я укрылся вместе со своей ношей за приступкой, с которой садятся на лошадей. Я ударил паренька по лицу: сначала по одной щеке, потом по другой.

Он открыл глаза, сбросил плащ и оскалился, будто рассерженный кот.

– Боже правый, – произнес я. – Ты чуть не погубил нас обоих, глупый ты юнец.

Мальчишка поднялся на ноги и устремил взгляд на собор Святого Павла.

– Тут уж ничего не поделаешь, – заверил его я, стараясь перекричать рев огня и грохот рушившегося здания. – Не в наших силах остановить огонь.

Паренек снова привалился спиной к стене. Глаза его были закрыты. Наверное, опять сознание потерял. Убрал плащ, чтобы не мешал, я усадил мальчика на приступку. Его рубашка больше не тлела, прорех на ней не было, если не считать разорванного ворота.

Паренек все кашлял, но уже не так сильно. Даже здесь, в стороне от пожара, было светло как днем, но такое яркое, мигающее оранжевое зарево скорее ожидаешь увидеть в разгар Армагеддона, перед самым концом времен.

Я впервые разглядел мальчишку как следует. Заметил на его тощей шее черное пятно то ли сажи, то ли грязи. В распахнутом воротах виднелись впадины под ключицами. Кожа мальчишки блестела от пота, в огненном сиянии вокруг нас она казалась оранжевой.

А потом я заметил две безупречные округлые груди.

Я растерянно уставился на них. Собор Святого Павла пылал, на улице царил толчея, отовсюду раздавались оглушительные хлопки, рев пламени и грохот рушившихся зданий. Но в тот момент я ничего вокруг не видел, кроме мальчишки.

Хотя какой же это мальчишка?..

Я распахнул ворот шире.

Нет, передо мной не мальчик – но и не девочка. Судя по тому, что я увидел выше пояса, это молодая женщина.

Ее глаза были открыты, и наши взгляды встретились. Я выпустил ее рубашку. Она встала. Ее макушка не доставала мне до плеча. Девушка схватила мой плащ, спеша прикрыться. Несмотря на собравшуюся вокруг толпу, создавалось ощущение, будто мы с ней одни: остальные не сводили глаз с собора Святого Павла.

– Что вы делаете? – потребовала ответа незнакомка.

Нищенки или уличные девки так не разговаривают. Вопрос был задан тоном госпожи, обращающейся к горничной. Причем госпожа в дурном расположении духа, а горничная допустила непростительную оплошность.

– А сами как думаете? – произнес я. – Спасая вам жизнь.

Будто в подтверждение моих слов, от собора донесся резкий треск, и часть фронтона портика рухнула вниз с грохотом, от которого содрогнулась земля. Каменные блоки превратились в облако из обломков и пыли.

– Откуда вы? – спросил я. – Кто вы? И почему...

Она отвернулась и зашагала прочь.

– Стойте! У вас мой плащ.

Я схватил ее за руку и притянул к себе. Девушка поднесла мою руку к губам. На какой-то момент мне в голову пришла безумная мысль: сейчас она ее поцелует. Видимо, в знак благодарности за свое спасение.

И тут сверкнули белые зубы. Они вонзились в мою руку прямо под нижней костяшкой указательного пальца. Зубы вошли глубоко, достав до сухожилия и кости.

Я вскрикнул и выпустил ее.

Девушка бросилась бежать через толпу на Ладгейт-хилл. За ее плечами развевался мой плащ. Я стоял, глядя ей вслед и держась за укушенную руку. Мне ужасно хотелось пить. Голова раскалывалась от боли.

Во время Великого пожара я видел много такого, что противоречило обычаям и природе, здравому смыслу и Закону Божьему, и все это, казалось, предвещало новые бедствия, еще страшнее нынешних. Люди ученые называют подобные явления «monstra», относя к ним и чудеса, и необыкновенные дарования, и дурные знаки. Гибель собора Святого Павла – одно из таких предзнаменований.

Но той ночью, когда я уснул, во сне мне явилось вовсе не пламя и не рушившиеся здания. Мне приснился мальчик с женским лицом и широко распахнутыми глазами, которые ничего вокруг не видели.

Глава 2

Пепел и кровь. Ночь за ночью.

Спал я урывками, а когда проснулся наутро после того, как огонь добрался до собора Святого Павла, перед моим мысленным взором стояли пепел и кровь. По тусклому свету я понял, что еще рано, едва рассвело.

Но я думал не о горячем пепелище, в которое вчера превращался город, и не о крови на моей руке, когда мальчик, то есть девушка укусила меня.

Эта кровь капала с отрубленной головы. А что касается пепла, то он был вовсе не горячим, а холодным. Плачущий мужчина посыпал им свою голову.

Тогда я был ребенком, и потом мне снились кошмары: несколько месяцев я просыпался с криками, ночь за ночью. Моя мать, самая кроткая и покорная из жен, ругала отца за то, что позволил сыну стать свидетелем подобного зрелища.

– Со мной тоже когда-нибудь так сделают? – спрашивал я у матушки.

Ночь за ночью.

И вот сегодня, летним утром много лет спустя, я услышал трель черного дрозда. Раздался скрип – это мой отец заворочался в постели.

– Джеймс, – произнес он своим старческим голосом, слабым и хриплым. Теперь батюшка спал плохо и просыпался рано, жалуясь на дурные сны. – Джеймс! Ты не спишь? Почему так жарко? Давай погуляем в саду. Там наверняка прохладнее.

Даже здесь, на окраине Челси, небо было серым от пепла, а восходящее солнце казалось оранжевой кляксой. Воздух уже успел прогреться. Пахло золой.

Одевшись, я размотал бинт на левой руке. Кровотечение прекратилось, но рана болезненно пульсировала. Снова перевязав руку, я помог отцу спуститься по узкой лестнице, надеясь, что мы не разбудим Ральстонов.

Мы прохаживались по фруктовому саду, и отец опирался на мою правую руку. Деревья отяжелели от плодов: в основном яблок, груш и крупных слив, но попадались здесь и мелкие черные сливы, и грецкие орехи, и мушмула. На траве еще лежала роса.

Отец, шаркая, брел рядом со мной.

– Почему вокруг так темно?

– Из-за Пожара, сэр. Повсюду дым.

Нахмурившись, батюшка поглядел на небо:

– Но ведь снег идет.

За ночь ветер немного поутих, и теперь он дул не с востока, а с юга. С неба густо падали темные хлопья, порхая и кружась, будто пьяные танцоры.

– Черный снег, – проговорил отец и, хотя утро даже в этот ранний час было теплым, зябко поежился.

– У вас разыгралось воображение, сэр.

– Грядет конец света, Джеймс. Я же тебе говорил, что все к тому идет. Порочность королевского двора погубила нас. Сие предначертано, а значит, так тому и быть. Нынче тысяча шестьсот шестьдесят шестой год. Это знак.

– Тише, отец.

Я оглянулся через плечо. Даже здесь вести подобные разговоры было не только глупо, но и опасно, особенно для такого человека, как мой отец: его свобода и без того висела на волоске.

– Это не снег, а всего лишь бумага.

– Бумага? Чушь! Бумага белая. Бумага с неба не сыплется.

– Она сгорела. Печатники хранили свои бумаги и книги в крипте собора Святого Павла.

Но внутрь проник огонь, и теперь ветер приносит обрывки даже сюда.

– Снег, – бормотал отец. – Черный снег. Еще один знак.

– Бумага, сэр. Бумага, а не снег.

Я сам услышал, как сердито прозвучал мой голос. Лучше бы мне было промолчать. Я даже не заметил, а почувствовал, как во взгляде моего отца отразилось смятение: малейшие признаки злости или раздражения расстраивали старика, порой доводя его до слез.

Уже мягче я прибавил:

– Давайте я вам покажу.

Я наклонился и поднял обрывок обугленной бумаги – угол страницы, на обгоревшей поверхности которой можно было с трудом различить несколько напечатанных слов. Я протянул обрывок отцу:

– Видите? Никакого снега, одна бумага.

Отец взял листок и поднес к глазам. Его губы беззвучно зашевелились. Он до сих пор был способен разобрать даже самый мелкий шрифт при слабом свете лучины.

– Что я говорил? – оживился отец. – Судный день близок. Вот и новый знак. Прочти.

Он протянул обрывок мне. Я понял, что передо мной нижний правый угол страницы. На нем можно было различить три слова, которыми оканчивались две последние строчки:

«...Время пришло...

...сделано».

– Убедился? – Отец раскинул руки и поднял их к темному небу, в котором кружили черные хлопья. – Разве я не прав, Джеймс? Судный день вот-вот наступит, Иисус вернется, чтобы установить над нами свою божественную власть. Готов ли ты предстать перед Господом, когда Он будет судить нас?

– Да, отец, – ответил я.

Еще в мае мы с отцом сняли комнату в коттедже, стоявшем в огороженной части фермы, где растили фрукты и овощи для рынка. Дом мы делили с садоводом, его женой и служанкой. В погожие дни мой старик сидел в саду и с криками разгонял палкой птиц и мальчишек, желающих поживиться фруктами.

Госпожа Ральстон, жена садовода, рада была нашим деньгам, и я следил за тем, чтобы мы исправно платили хозяйке за проживание. Госпожа Ральстон сетовала, что хлопот у нее прибавилось, хотя работала в основном служанка, к тому же хозяйке не нравилось, что мой отец весь день дома. Она терпела нас только ради денег. Но если здоровье господина Марвуда ухудшится, говорила она, тогда дело другое. О том, что бы они с господином Ральстоном ухаживали за больным, уговора не было.

Когда отца освободили под мое поручительство, я выбрал это место по трем причинам. Деревенский воздух полезнее для здоровья. Жилье здесь дешевле. А самое главное, эта ферма достаточно далеко от Лондона, чтобы можно было не опасаться, что отца кто-нибудь узнает, и при этом достаточно близко, чтобы я ежедневно совершал путешествие в Лондон и обратно.

Мой отец привлек внимание правосудия. Шесть лет назад, когда король вернул себе престол, парламент издал Акт о забвении и возмещении ущерба, гарантировавший помилование всем, кто во время восстания сражался против Короны. Единственные, кого не коснулось это всеобщее помилование, – цареубийцы, то есть те, кто лично участвовал в казни отца короля в Уайтхолле.

Действие Акта распространилось на моего отца, ведь его не объявляли цареубийцей. Однако после Реставрации батюшка отверг королевское милосердие, и теперь мы с ним расхлебывали последствия его выбора. Я любил отца, но иногда испытывал к нему жгучую ненависть.

Матушка желала для меня другой жизни. Это она уговорила батюшку отдать меня в школу при соборе Святого Павла. Матушка мечтала, чтобы я стал проповедником или законником – иными словами, человеком, который зарабатывает на жизнь своим умом, а не руками. Но через несколько лет моя мать умерла. Отец, чьи дела пришли в упадок, забрал меня из школы и привязал к себе, сделав своим подмастерьем. Ну а после Реставрации он совершил свой последний безрассудный поступок, тем самым загубив и свою жизнь, и мою.

После завтрака я сказал отцу, что мне нужно в Уайтхолл.

– А-а, в Уайтхолл, – повеселел батюшка. – Там казнили особу королевской крови. Помнишь?

– Тише, сэр. Ради всего святого, замолчите.

Но я отправился не в Уайтхолл. Вернее, не сразу.

Я собирался идти туда пешком, но дорога до Вестминстера, Уайтхолла и Сити оказалась забита лондонцами – пешими и конными, в каретах и повозках. Люди увозили из города стариков и больных, кое-кто из недужных был в чумных язвах – болезнь еще не покинула Лондон окончательно.

Остальные разбили лагерь на полях или во фруктовых садах вдоль дороги, установив самодельные палатки и шалаши, а кое-кто просто сидел и плакал или с застывшим лицом глядел на дым от Великого пожара. Потрясение заставило людей окаменеть, точно статуи.

Я посчитал, что на дороге у меня уйдет лишний час, а то и больше, – ведь, чтобы дойти до Лондона, я вынужден буду двигаться в этом людском потоке против течения. Поэтому я спустился к реке и нанял лодочника, чтобы тот отвез меня вниз по реке. Я едва мог позволить себе подобные траты, но сегодня без них было не обойтись.

Пожар сыграл на руку речным перевозчикам: жители города готовы были сесть в любую посудину, лишь бы та доставила их вместе с пожитками в безопасное место. И, не думая спорить, они соглашались плыть даже за непомерно высокую цену. Перегруженные суда, большие и малые, с трудом прокладывали себе путь. Даже здесь, на западе, далеко от Лондона, было так же оживленно, как на Чипсайде, пока туда не добрался Великий пожар.

Но на реке ситуация складывалась та же, что и на дороге: основное движение переместилось за пределы Лондона. Я поторговался с лодочником, указав ему на то, что городские погорельцы скорее сядут со своим добром в его посудину, если он приплывет не на пустой лодке, а с пассажиром.

Плыли мы быстро – и течение, и прилив оказались для нас благоприятны. Вода в Темзе была серой, будто олово, и в ней повсюду плавали обугленные обломки и брошенные вещи, в основном мебель. Я заметил, как течением уносит роскошный стол, а на одной из торчавших кверху ножек сидит чайка.

Когда мы поравнялись с лестницей Уайтхолла, я велел лодочнику не причаливать и плыть дальше до собора Святого Павла. Мне было любопытно посмотреть, что от него осталось. Я невольно задался вопросом, вернется ли туда девушка-мальчик. Вчера, когда даже крысы бежали из собора, что-то неудержимо влекло ее туда – что-то настолько важное, что Пожар ей был не страшен.

Вид Лондона с воды повергал в ужас. Город накрыло огромное траурное покрывало из дыма и пепла. Небо под ним светилось ярким, горячим алым заревом. Солнце не в силах было пробиться сквозь завесу, и город погрузился в неестественные сумерки.

От Ладгейта до Тауэра не осталось ничего, кроме дымящихся развалин. Построенные вплотную друг к другу деревянные дома исчезли в один миг, от них остались только почерневшие камни и кирпичи. На реке дул сильный ветер, но даже в лодке мы ощущали жар, исходящий от пепелищ.

Время от времени над рекой разносились гулкие хлопки. По приказу короля здания на пути огня взрывали, надеясь остановить распространение пламени. Вот взрыв прогремел где-то между Флит-стрит и рекой.

Лодочник закрыл руками уши и выругался.

– Здесь причаливать нельзя, господин, – проговорил он, откашлявшись. – Господь свидетель – как ступите на берег, сразу в головешку превратитесь.

Нас окутало облако золы, и часть ее прилипла к моему рукаву. Я принялся лихорадочно отряхиваться.

– А если пристанем ниже по течению?

– Там везде такое же пекло, даже хуже. Говорят, на складах масло горит.

Не дожидаясь моих распоряжений, лодочник поплыл прочь от северного берега и вывез нас на середину реки. Я устремил взгляд на собор Святого Павла. Он устоял, однако лишился крыши, а неровные очертания стен и башни мерцали, будто я смотрел на собор сквозь воду. Колонны дыма поднимались над огнем, еще пылавшим тут и там внутри черной оболочки. То, что я увидел, больше походило не на церковь, а на огромную головешку из печи.

Девушка-мальчик никак не могла подойти к собору даже на двадцать ярдов, а ближе – тем более. Ни одно живое существо не уцелеет в таком пекле.

– В Уайтхолл, – приказал я.

Глава 3

Дворец Уайтхолл раскинулся вдоль реки к югу от Чаринг-Кросс. Это настоящий лабиринт из старых и новых зданий, занимающий более двадцати акров. Людей здесь обитает больше, чем в большинстве деревень.

Паники во дворце не было, однако я заметил необычное оживление. В Большом дворе работники грузили в повозки ценности: если Пожар продвинется дальше на запад, их перевезут в безопасное место – Виндзор.

Я спросил, где мой покровитель, и мне ответили, что он в своем личном кабинете в Скотленд-Ярде, смежном комплексе зданий с северной стороны дворца. Господину Уильямсону также были предоставлены для работы гораздо более величественные покои с видом на Собственный сад, но, когда речь идет о тайных и не слишком приятных делах, он перемещается в Скотленд-Ярд, где обстановка больше располагает к подобной работе.

Уильямсон оказался занят, и мне пришлось некоторое время маяться в передней среди секретарей и посыльных. Один секретарь старательно переписывал репортаж о Пожаре из «Лондон газетт». Помимо других обязанностей, Уильямсон редактировал газету и следил за тем, чтобы ее содержание было как можно более удобоваримым для правительства.

Вот Уильямсон лично проводил к выходу посетителя, дородного джентльмена средних лет с бородавкой в левой части подбородка. Когда незнакомец проходил мимо, его взгляд на секунду задержался на мне.

Уильямсон, все еще лувившийся улыбкой, пригласил меня в кабинет.

– Наконец-то, – произнес он. Благодушия как не бывало, – казалось, улыбку скрыл внезапно опустившийся занавес. – Почему вы не явились ко мне вчера вечером?

– Простите, сэр. Я задержался из-за Пожара, и...

– Однако вы обязаны были прийти. И почему, черт возьми, вы так сильно припозднились сегодня?

Камбрийский выговор Уильямсона зазвучал отчетливее. Хотя он уже двадцать лет прожил на юге, вращаясь в высшем обществе, в минуты раздражения или тревоги Уильямсон возвращался к давним привычкам и начинал тянуть гласные.

– Люди бегут из Лондона. Дорога забита, сэр.

– В таком случае вам следовало выйти из дому раньше. Вы мне нужны. – Уильямсон махнул рукой в сторону секретаря, переписывавшего репортаж «Газетт». – У этого тупицы отвратительный почерк.

– Прошу прощения, сэр.

– Вы служите у меня совсем недавно, Марвуд, – продолжил Уильямсон. – Больше не заставляйте меня ждать, иначе убедитесь, что я уж как-нибудь смогу управиться без вас.

Я молча поклонился. Лишившись покровительства Уильямсона, я потеряю все. А моего отца ждет еще более страшная судьба. Уильямсон – заместитель лорда Арлингтона, государственного секретаря Южного департамента, и его влияние распространяется не только на все правительство, но и далеко за его пределы. В то время как я всего лишь младший из секретарей Уильямсона, почти что мальчик на побегушках.

– За мной.

Мой начальник прошел в свой личный кабинет. Пока я не закрыл за собой дверь, Уильямсон молчал.

– Вчера вечером вы ходили к собору Святого Павла, как я приказал?

– Да, сэр. Я был там, когда вспыхнула крипта. Уже через час стало ясно, что собор не спасти, даже если бы удалось подвезти к нему воду. Жар стоял нестерпимый. Когда я уходил, по Ладгейт-хиллу стекал расплавленный свинец.

– Внутри кто-нибудь был?

Я вспомнил, как девушка-мальчик бежала к зданию, в самый очаг Пожара.

Я ответил:

– Насколько мне известно, нет, сэр. Крысы и те разбегались.

– А что говорили люди в толпе?

– О причинах Пожара?

– Больше всего меня интересует гибель собора. Говорят, она разгневала короля не меньше, чем проклятые датчане и все прочие недавние напасти.

Я нервно сглотнул:

– Люди объясняют Пожар одной из двух причин, иногда обеими сразу. Они...

– Не говорите загадками.

– Ходит молва, что эти причины связаны друг с другом. Некоторые утверждают, что Бога прогневила греховность двора... – Лучше не обвинять нашего расточительного, симпатизирующего папистам короля лично, ибо у стен есть уши, особенно в Уайтхолле. – В то время как другие приписывают Пожар козням наших врагов, обвиняя папу, французов или датчан.

– Так не годится, – резко произнес Уильямсон. – Вы меня поняли? Король заявляет, что произошел обычный несчастный случай, не более того. Лето жаркое и засушливое. Дома стоят тесно, сухое дерево – самая подходящая растопка. Ветер дул восточный. Хватило одной

искры. – (Я ничего не ответил, хотя считал, что король, скорее всего, прав.) – Любые другие объяснения распространяться не должны.

Я подумал о том, что королевские министры очутились меж двух огней. Либо они навлекли на Лондон Божий гнев своей порочностью, либо сановники настолько нерадивы, что не сумели помешать врагам государства, и те нанесли смертоносный удар в самое сердце королевства. Как бы то ни было, народ будет винить в Пожаре их, а также короля и придворных. В любом случае паника и недовольство будут расти. Кажется, самое время сменить тему.

– Сэр, вчера вечером я видел возле собора Святого Павла господина Мэйкока, печатника, – сообщил я. – Он просто обезумел: его книги и бумаги хранились в крипте и погибли в огне вместе с ней.

Уильямсон едва заметно улыбнулся:

– Прискорбно.

В королевстве всего две лицензированные газеты: выпускать другие правительство не позволяет. Мэйкок издает «Каррент интеллидженс», конкурента-высочку «Лондон газетт», которой руководит господин Уильямсон.

– Как жаль, что Мэйкок не последовал примеру Ньюкомба и не вывез свои материалы из Сити, – с ноткой самодовольства в голосе продолжил мой начальник.

Ньюкомб – печатник Уильямсона.

– Однако Ньюкомб лишился дома, – заметил я. – Он жил возле замка Байнардс, а там все сгорело.

– Знаю, – произнес Уильямсон своим холодным, резким тоном. – Я уже занимаюсь этим вопросом. Я присмотрел для него дом в Савое. Главное, чтобы все сложилось благополучно. Дай бог, следующий номер «Газетт» выйдет в понедельник. Один выпуск мы пропустим, но зато нам не придется публиковать отчет о смертности на этой неделе. Люди нас поймут: есть дела поважнее, чем тратить время на подсчеты умерших. Кроме того, мне сообщили, что жертв на удивление мало. Хвала небесам!

Я отлично понял, что сказал Уильямсон, вернее, то, о чем он умолчал. Бедняков никто не считает, и возле реки, неподалеку от складов с маслом и дегтем, наверняка погибли десятки или даже сотни: там царит настоящее адское пекло. Пожар вспыхнул там рано утром в воскресенье, когда половина обитателей лачуг еще не проспалась спяну. Другие умерли или умрут от последствий Пожара: больные, старики и дети и без того слабы, бегства из собственного дома им не выдержать.

Но как королю, так и правительству невыгодно без лишней надобности раздувать масштаб катастрофы. «Лондон газетт» обычно выходит дважды в неделю. Если пропустим номер, отсутствия списка умерших за неделю, в которую произошел Пожар, никто не заметит. В таких обстоятельствах о списке никто даже не вспомнит. Почтовая служба – еще одно учреждение, возглавляемое Уильямсоном, – сгорела, и, даже если бы «Газетт» удалось напечатать, мы не смогли бы разослать новые номера по стране.

– Трагический несчастный случай, – произнес Уильямсон. – Именно так и говорите всем, кто заведет речь о Пожаре. Мы обязаны проследить, чтобы в материалах «Газетт» или в нашей корреспонденции не было даже намек на иные объяснения. – Уильямсон наклонился ко мне. – Надо отдать вам должное, Марвуд, в уме вам не откажешь. Но если еще раз заставите меня ждать, уж я позабочусь о том, чтобы и вы, и ваш отец снова оказались в навозной куче.

В этот момент будто нарочно прогремел далекий взрыв, от которого стекло задрожало в раме.

– Идите работать, – велел Уильямсон.

Глава 4

Кэт прикрыла голову серым плащом. От тонкой шерсти пахло гарью, а еще чем-то неприятным – терпким, мужским. Лицо худосочного молодого человека, у которого она украла плащ, живо всплыло в ее памяти. В свете пламени его кожа казалась почти оранжевой.

Кэт едва переводила дух: она со всех ног мчалась по улицам, прокладывая себе путь в толпе. Во время своего бегства она часто оглядывалась и порой готова была поклясться, что в толпе мелькнуло его лицо. Но, слава богу, здесь этого человека не было.

Кэт пригнулась и постучала в оконный ставень трижды, а потом, после небольшой паузы, еще три раза.

В щели между ставнями показался свет. Окно всего восемнадцати дюймов в ширину и не намного больше в высоту. Подоконник от мостовой отделяли меньше шести дюймов. За прошедшие века улица медленно поднималась все выше и выше.

Вот в освещенной щели что-то мелькнуло. В ответ в ставни стукнули трижды, а потом, чуть выждав, еще три раза.

Кэт прошла дальше по переулку. Даже здесь, за стенами Сити, еще не стемнело. Узкое пространство было заполнено зловеще сияющим грязно-оранжевым туманом, от которого в горле у Кэт першило так, что делалось тошно.

Пока в переулке никто не прятался. Ни один человек. Вход почти целиком загородила пристройка к лавке. Если не знать, что он здесь есть, пройдешь и не заметишь.

Но крысам про этот переулок прекрасно известно. Они бегут из горящего города сотнями и тысячами. Кэт чувствовала, как они шныряют у нее под ногами, и слышала их визг.

Переулок замощен неровными плитами. Сейчас все они были в золе, обрывках бумаги и обугленных кусках дерева и ткани, хрустевших под подошвами туфель Кэт, будто черный гравий.

В конце переулка в стене был проделан стрельчатый каменный проем, внутри которого скрывалась дубовая дверь, обитая гвоздями. Кэт видела ее при дневном свете: дерево почернело от времени и твердостью могло сравниться с каменной стеной.

Где-то прогремели три взрыва. Значит, опять взрывают здания на пути огня.

Из-за двери донесся слабый скрежет, после этого стало тихо, а потом – снова скрежет. Слава богу, замка нет. Только два металлических засова, каждый толщиной с мужскую руку.

Дверь открывалась внутрь. Сначала возникла тонкая полоска света, потом она стала расти. Кэт проскользнула в образовавшийся проем. Она тут же обернулась, закрыла дверь и заперла ее на шеколду.

– Госпожа... – Шепот прозвучал тихо, едва различимо.

– Задвигай засовы, Джем. – Глаза Кэт еще не привыкли к темноте. – Быстро.

Он поставил на пол закрытый фонарь, и огонек за его решеткой дрогнул. На стене заплясали изломанные тени. В воздухе стояло зловоние: содержимое выгребной ямы под домом с другой стороны переулка просочилось сквозь фундамент.

Джем поспешил к двери. Раздался скрежет металла по камню. Он смазал засовы жиром, чтобы они скользили как можно легче и тише. Кэт следила за Джемом, сжимая вокруг шеи края серого плаща.

Заперев дверь на оба засова, Джем повернулся к ней. Кэт слышала его дыхание: сегодня он хрипит больше обычного – наверное, из-за дыма. Иногда Джем дышал так тяжело, что казалось, он вот-вот задохнется. «Хорошо бы, – сказал зимой кузен Эдвард. – Мне уже осточертел этот предсмертный хрип».

– Госпожа, что случилось?

Вместо ответа Кэт задала Джемму вопрос:

– Где они?

– Госпожа отошла ко сну. Господин в кабинете. Мастер Эдвард еще не вернулся. Собак выпустили.

Если собаки ходят по дому, значит слуги тоже легли спать – все, кроме сторожа и при-вратника.

Джем нагнулся за фонарем и поднял его, а тени слились в одну и взлетели к сводчатому потолку, скользя по каменным нервюрам¹ и замковым камням².

Оказавшись в безопасности – во всяком случае, настолько, насколько это сейчас было возможно, – Кэт заметила, что тоже дышит прерывисто, к тому же она взмокла от пота. Жара проникла даже сюда.

Пламя свечи дрогнуло. Джем еле слышно прошептал:

– Вы нашли его, госпожа?

Ей на глаза навернулись слезы. Кэт закусилла нижнюю губу так сильно, что выступила кровь.

– Нет. Собору Святого Павла конец. У меня на глазах часть портика отвалилась и рассыпалась в прах.

– Если господин Ловетт был там, он наверняка спасся.

– Мы должны за него молиться.

Слова Кэт звучали благочестиво, но она испытывала противоречивые чувства. Возможно ли одновременно любить отца и бояться его? Кэт обязана быть ему преданной, таков ее долг. Но разве отец ей ничего не должен? Кэт задалась вопросом, почему Джем тревожится за человека, однажды избившего его так жестоко, что он остался хромым?

– Учтите, я не уверен, что утром видел именно его. – Джем поднес фонарь ближе к Кэт. – Ваша одежда, госпожа... Что случилось?

– Не важно. Я пойду наверх, посвети мне.

Дом был построен в основном из камня и кирпича, – как сказал за обедом господин Олдерли, в нынешние времена это Божье благословение, однако он напомнил домочадцам, что Господь благоволит тем, кто сам заботится о своем будущем, – к тому же дом находился возле Хаттон-Гарден, на безопасном расстоянии от стен Сити. В былые времена здесь обитали монахи, но с тех пор здание много раз перестраивали. В старом доме легко было заблудиться: лестницы вели в комнаты, которые давно исчезли, или в огромные подвалы с высокими сводами, наполовину заполненные щебнем.

Джем шел впереди, высоко держа фонарь. Они поднялись по лестнице и прошли еще через одну дверь.

Когти застучали по камню. В коридоре их встретили мастифы. Один за другим они тыкались мокрыми носами в руку Кэт. Прижимаясь к хозяйке, они обнюхивали и облизывали ее протянутую руку, прося ласки. Днем собаки бродили в огороженной части двора, а ночью охраняли дом, двор и сад.

– Гром, – шепнула Кэт в темноту. – Лев, Жадина, Голозадый.

Псы тихонько заскулили от удовольствия. Кэт сделала глубокий вдох. Теперь, когда худшее осталось позади, ее начала бить дрожь. Вряд ли ее поймут сейчас. Ночной сторож почти все время проводит в другой части дома, подальше от кухни и поближе к кабинету и подвалу, который господин Олдерли переделал в кладовую для хранения ценностей. Собаки дадут знать Кэт и Джему, если сторож окажется неподалеку, к тому же свет фонаря и звук шагов предупредят их заранее, когда он будет еще на подходе. Ну а что касается лакея, то он спит в кори-

¹ *Нервюра* – выступающее ребро готического каркасного крестового свода. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Замковый камень* – клинчатый камень кладки в вершине свода или арки.

доре, и его тюфяк расстелен у порога парадной двери. Лакей не сдвинется с места, пока не вернется Эдвард.

Коридор вел в кухонное крыло. Они прошли по узкому пространству мимо маленьких, закрытых ставнями окон, спустились на несколько ступеней и повернули направо. Показалась встроенная в толстую стену винтовая лестница, свет на которую проникал только из незастекленных проемов. В них виднелось зловещее сияние над пылающим городом. В отличие от нижней части дома, на лестнице отчетливо ощущалось зловоние Пожара. Подъем стоил Джему большого труда, потому что он не только хромал, но и задыхался.

Спальня Кэт располагалась в маленькой комнатке, выходящей на север, на холмы Хайгейта. Тяжелые шторы на окне были задернуты, скрывая огненное зарево, которое было видно даже с этой стороны дома.

Джем зажег свечу от пламени фонаря.

– Зачем отец вернулся? – задала вопрос Кэт.

– Со мной он своими планами не делится, госпожа.

– Если их отыщут, его убьют. Он ведь должен это понимать.

Джем согласно кивнул. У Кэт возникло подозрение, что он знает больше, чем говорит.

– Спасибо, – произнесла она. – Спокойной ночи.

Но Джем не спешил уходить. В темноте трудно было понять, что означает выражение его лица.

– На кухне говорят, что завтра у нас будет обедать сэра Дензил.

Кэт прикусила губу. Только этого не хватало!

– Ты уверен, что он придет?

– Да, если только Пожар ему не помешает.

– Уходи, – велела Кэт. – Оставь меня.

Он повернулся и поковылял к выходу.

Как только дверь за ним закрылась и Кэт осталась одна, она наконец дала волю слезам.

Глава 5

Сэр Дензил был важным гостем, и то, что Оливия отправила свою горничную Энн помочь Кэт одеться к ужину, лишний раз это доказывало. Собственной горничной у Кэт не было, и это подчеркивало ее неопределенный статус в доме.

Энн потратила, казалось, целую вечность, преображая внешность Кэт. Прежде всего она примотала под грудь Кэт подушечку, чтобы создать впечатление, будто Господь наградил ее гораздо более пышным бюстом, чем было на самом деле. Кэт была уже взрослой женщиной – ей скоро должно было исполниться восемнадцать, – но иногда у нее возникало ощущение, будто они с тетей Оливией существа из разных миров.

Горничная работала молча, с хмурым лицом. Она так сильно дергала за шнурки и так туго затягивала перевязи, будто ее подопечная – неодоушевленный предмет, неспособный чувствовать боль или неудобство. Потом Энн показала Кэт ее отражение в венецианском зеркале тети Оливии. Перед девушкой предстала богато разодетая кукла с чуть раскосыми глазами и замысловатой прической из кудрей.

Затем Энн проводила Кэт вниз, в парадную гостиную. Та почувствовала себя перевязанным бечевкой фаршированным гусем, которого вот-вот отправят в печь. Горничная оставила ее там угождать дяде Олдерли и сэру Дензилу Кроутону.

В гостиной пахло свежими травами и легкой сыростью. Пол из темной древесины и мебель натерли воском до матового блеска. Яркий турецкий ковер был постелен на стол под окнами. Несмотря на небывалую жару, в камине развели слабый огонь, ведь в комнате было холодно даже летом.

Кэт стояла возле стола, рассеянно перелистывая страницы лежавшего на нем песенника, хотя ей медведь на ухо наступил.

Мыслями она витала далеко, гадая, удастся ли сегодня вечером снова воспользоваться помощью Джема и ускользнуть, и если да, то как это можно устроить.

За дверью раздался стук шагов по каменным плитам, и Кэт передернуло. Она замерла, так и не перевернув страницу. Даже не успев оглянуться, Кэт поняла, кто идет: эту медленную, тяжелую поступь она узнала бы и в толпе.

– Кэтрин, дорогая моя, – произнес кузен Эдвард.

Олдерли никогда не называли ее Кэт.

Она нехотя повернулась к нему и почтительно присела, как подобает хорошо воспитанной девушке.

В ответ кузен Эдвард отвесил ей поклон, но не уважительный, а довольно-таки насмешливый.

– Ты сегодня настоящая придворная красавица. – Он сделал вид, что от восторга у него перехватило дыхание, и медленно приблизился к девушке, наблюдая за ее лицом. – Как же ты выросла! – Он руками начертил в воздухе преувеличенно пышную женскую фигуру. – Просто чудо! Готов поклясться, дорогая, что такой эффект на тебя оказывает сэр Дензил. Его обаяние столь сильно, что действует на тебя издалека.

Кэт закрыла песенник. Она не произнесла ни слова: в присутствии Эдварда разумнее всего помалкивать.

– Что читаешь? – Он потянулся к песеннику. – А-а, изучаешь музыку? Прелестно. Может, мне попросить тебя спеть для нашего гостя после обеда? Уверен, сэр Дензил будет очарован.

Эдвард прекрасно знал, что у Кэт нет слуха.

Он опустил голову, и она уловила запах вина.

– А впрочем, сам я уже очарован безо всяких песен.

Кэт отодвинулась от него, однако Эдвард последовал за ней и прижал ее к столу, преграждая девушке путь к отступлению. Она отвернулась и сделала вид, будто любителю зеленой симметрией сада и горячим, затянутым тяжелой пеленой небом. Эдвард – мужчина высокий, ростом почти шесть футов, уже начинал толстеть, хотя ему едва исполнилось двадцать пять. Он напоминал хряка и аппетитом отличался соответствующим. Чаще всего кузен не обращал на нее внимания, и это ее более чем устраивало, ведь в остальное время он всячески пытался ее поддеть. Но с недавних пор Кэт заметила, что он не сводит с нее глаз, наблюдая и оценивая.

– Это чудо. – Эдвард облизнул губы. – Я про твоё внезапное преобразование. В одночасье ты стала похожа на женщину! Просто удивительно.

Он положил руку на плечо Кэт. Его ладонь была теплой и слегка влажной. Он сжал пальцы крепче.

– Кожа да кости, милая кузина, – заметил он. – С одной стороны, еще ребенок. А с другой... с другой...

Кэт отпрянула.

Он приблизил лицо к ее лицу, и ей в нос снова ударил винный дух.

– Я видел тебя вчера вечером.

Застигнутая врасплох, Кэт снизу вверх глядела на его покрасневшее лицо.

– Ты тайком пробиралась к дому, – продолжил Эдвард. – Выходила одна, я прав? Шлялась по городу, будто дешевая уличная девка. Вы, пуританки, все одинаковые: с виду воплощенная строгость и добродетель, но в тихом омуте черти водятся. Я видел тебя из окна таверны у ворот. Шмыгнула в переулок, словно воровка. Кто тебя впустил? Этот твой прислужник-калека?

Кэт уже давно ненавидела Эдварда Олдерли. А ненавидеть она умела. Кэт копила свою злобу так же, как скряга – золото.

Стукнула щеколда. Эдвард отдернул руку и отступил на шаг. Кэт поправила платье и отвернулась к окну. Она часто дышала, на коже выступил пот.

В комнату вошла Оливия:

– Дай на тебя взглянуть, дитя мое. А теперь повернись боком. – Тетя кивнула. – Хорошо. И краски на лице появились. – Оливия взглянула на Эдварда. – Энн сотворила чудо, правда?

Тот поклонился:

– Да, мадам. Моя кузина сегодня – просто красавица. – Эдвард улыбнулся мачехе. – Не сомневаюсь, что ее преобразование происходило под вашим руководством.

Тут вошел дядя Олдерли вместе с сэром Дензилом.

Дамы присели в реверансе, а сэр Дензил отвесил изысканный поклон сначала Оливии, а потом Кэт. Это был маленький человечек в высоком парике и туфлях на удивительно высоких каблуках.

– Ах! – протяжно произнес он своим тонким голосом, обращаясь к пустому пространству между двумя женщинами. – Я попал в настоящий цветник! – Он повернулся к господину Олдерли и поднес указательный палец к губам. Этот детский жест совсем не вязался с его обликом. На пальце сверкнуло бриллиантовое кольцо. – Откровенно говоря, сэр, я жаден до женских прелестей. – Он в первый раз посмотрел прямо на Кэт и без особого энтузиазма прибавил: – Скоро у меня будет возможность насытиться сполна.

Неуклюжий комплимент повис в воздухе. Некоторое время все молчали.

– Ну что ж, сэр, – обратилась тетя Оливия к мужу. – Пойдемте за стол?

Кэт заметила, что власть проявляется в мелочах.

Лучшим свидетельством высокого положения дяди Олдерли было то, что, в то время как вокруг него Сити обращался в пепел, хозяин Барнабас-плейс обедал дома как ни в чем не бывало. Еда была хороша, а слуги расторопны – так же, как и всегда, когда хозяин принимал гостя, которому желал угодить. Достали лучшие столовые приборы – вилки с двумя зубцами и ножи с удобными округлыми ручками. На их покупке настояла тетя Оливия: их доставили из Парижа за баснословные деньги.

Тем самым господин Олдерли давал понять и сэру Дензилу Кроутону, и, возможно, собственному семейству, что Пожар не нанес урона ни ему самому, ни его богатству: под защитой Бога и короля он неуязвим.

Обедали, как всегда, в полдень. За столом сидели пять человек: господин и госпожа Олдерли на противоположных концах стола, Кэт и почетный гость рядом, а Эдвард напротив них. Господам прислуживали четверо слуг. Кэт с удивлением заметила среди них Джема, одетого в плохо сидящую на нем черно-желтую ливрею Олдерли.

– А он что здесь делает? – спросил господин Олдерли, когда Джем встал у него за плечом.

– Разве я вам не говорила, сэр? – произнесла тетя Оливия. – Лейн куда-то пропал, пришлось заменить Джемом.

– Нашел время! О чем этот Лейн только думал?

– Откуда же мне знать?

– Как только вернется, прикажу его высечь.

– Воля ваша, сэр. – Будучи хорошей хозяйкой, Оливия сразу заметила, как подергиваются ноздри сэра Дензила. – Желаете отведать карпа, сэр? Соус я приготовила сама, они мне особенно хорошо удаются.

Про себя Кэт отметила, что сэр Дензил и сам смахивает на рыбу. Пожалуй, как раз на карпа.

Все яства приготовили на их кухне: тетя Оливия вела хозяйство добросовестно и считала ниже своего достоинства отправлять слуг в харчевню за едой. К тому же большинство этих заведений не работали, а те, что уцелели, едва справлялись с наплывом едоков.

Для сэра Дензила приготовили обед из трех блюд. Надо отдать ему должное – вызов он принял мужественно. Всерьез занявшись фрикасе из кролика и курицы, гость время от времени возвращался к карпу, вгрызался в вареную баранью ногу и откусывал кусок за куском от бока ягненка. Еда исчезала у него во рту столь стремительно, что казалось, сэр Дензил ее почти не жевал.

– Это у вас пирог с миногой? – спросил он тетю Оливию звонким голосом. – Какая прелесть! Сейчас попробую кусочек.

За остальными яствами последовали два голубя, блюдо с анчоусами и большая часть лобстера. К этому времени сэр Дензил несколько выдохся, зато налег на напитки, продемонстрировав необычайную способность к поглощению канарского вина: гость выпил почти полгаллона. Лицо сэра Дензила покраснелось, а глаза остекленели, из-за чего Кэт опять вспомнился карп: точно так рыба выглядела, когда ее принесли на кухню.

Выпили за здоровье короля и за смуту в рядах его недругов. По деликатной подсказке тети Оливии сэр Дензил произнес два тоста: первый – за хозяйку (та улыбнулась и приняла похвалу как должное), а второй за Кэт. Девушка сидела, уставившись в стол, и мечтала оказаться где угодно, лишь бы не здесь.

Сэр Дензил показал ей бриллиантовое кольцо у себя на пальце, и камень заискрился.

– Видите, моя дорогая? Я ношу ваше кольцо. А свое пришлю вам, как только его подгонят по размеру.

Это кольцо, служившее знаком любви, на самом деле им не являлось и было преподнесено лишь для соблюдения приличий. Насколько поняла Кэт, господин Олдерли приобрел оба кольца сам, поскольку сэр Дензил испытывал недостаток в наличных средствах, а ювелиры не горели желанием продавать ему товар в кредит. Кольца были изготовлены как символы помолвки. Это кольцо господин Олдерли отправил сэру Дензилу только вчера.

Разумеется, говорили в основном о Пожаре, а также о короле и придворных.

– Есть основания надеяться на лучшее, – сообщил сэр Дензил, жуя лобстера, из-за чего его пронзительный голос звучал приглушенно. – Слышал, утром так сказал сам король. Если герцог Йоркский не даст огню распространиться дальше Темпл-Бар, Уайтхолл будет спасен.

Оливию поднесла руку к горлу:

– А нам здесь ничто не угрожает?

– Люди лорда Крейвена не дали огню перекинуться на Холборнский мост, – заметил господин Олдерли.

Сэр Дензил взмахнул вилкой:

– У вас нет ни малейших поводов для опасений, мадам.

– Меня известили, что худшее позади, – прибавил господин Олдерли. – Даже Бладворт наконец приказал сносить дома. Пока только у ворот Криплгейт, однако начало положено.

– К сожалению, лорд-мэр ведет себя будто выжившая из ума старуха, – вставил Эдвард.

– Истинная правда, сэр, – согласился сэр Дензил. – Только дурак мог не сообразить, что единственный способ сдержать огонь – не дать ему распространяться дальше. Нерешительность Бладворта стоила нам половины Сити.

– Он боялся, что на него подадут в суд жильцы или владельцы домов, которые он снесет, – заметил господин Олдерли. – Или и те и другие сразу. Все сводится к деньгам. Как и всегда.

– Жители Сити должны благодарить Господа за короля и его двор, – произнес сэр Дензил. – Если бы не их хладнокровие и смелость, могло быть намного хуже. Ведь в чем беда олдерменов, торговцев и прочих горожан? Когда что-то стрясется, они хуже детей. Не могут позаботиться даже о собственной безопасности и о сохранности своих прихода-расходных книг.

– К счастью, не все олдермены таковы, – сухо возразил господин Олдерли.

Эта смена тона заставила сэра Дензила вспомнить, в чьем доме он находится.

– Ну разумеется, сэр. И слава богу! Уверен, если бы лорд-мэром были вы, а не Бладворт, все бы сложилось совсем по-другому.

– Кто захочет идти в лорд-мэры? – проговорил господин Олдерли. – Вкладывать в дело столько средств при мизерных доходах и огромных рисках! Бладворт теперь пойдет по миру.

– Попробуйте анчоусы, сэр, – предложила тетя Оливия, рассудив, что сейчас самое время сменить тему. – Моя племянница приготовила соус по французскому рецепту, и ей наверняка очень важно услышать ваше мнение.

Сэр Дензил отведал анчоусов и кивнул:

– Вкусно. Между прочим, мадам, я взял к себе на кухню француза. Надеюсь, вы все в ближайшее время отобедаете у меня. Смею надеяться, вы не будете разочарованы. Мой повар готовил для герцога Орлеанского, и, когда я привез его из Парижа, несколько джентльменов пытались его переманить.

Кэт искоса глянула на сэра Дензила. Струйка соуса стекала по его подбородку на воротник. Он вытерся салфеткой.

Обед подходил к концу, но, если не считать упоминания о кольцах, сэр Дензил с господином Олдерли ни словом не обмолвились о деле, которое привело сюда уважаемого гостя. Кэт подозревала, что условия помолвки между ней и сэром Дензилом еще не окончательно согласованы, однако этот вопрос, конечно же, не станут обсуждать за столом при женщинах. Но похоже, у обоих мужчин сложилось некое молчаливое понимание того, как в общих чертах будет выглядеть договоренность. Кэт попыталась представить, как сэр Дензил сидит за столом и у нее на глазах поглощает еду и напитки, и так изо дня в день всю ее замужнюю жизнь. Но ее воображение взбунтовалось.

– Обязательно попросите кузину Кэтрин спеть для вас после обеда, – предложил Эдвард, наклонившись через стол к сэру Дензилу.

– Да, непременно, – согласился сэр Дензил. Взяв бокал и заглянув внутрь, гость озадаченно нахмурился, будто не мог поверить, что тот снова пуст. – Даже не сомневаюсь, она поет прелестно.

Эдвард всего на секунду устремил взгляд на Кэт и улыбнулся:

– Голос моей кузины никого не оставляет равнодушным.

Тут вмешалась Оливия:

– Увы, сэр Дензил, это удовольствие придется на некоторое время отложить. Господин Олдерли сказал мне, что после обеда ему нужно побеседовать с вами наедине.

Господин Олдерли хмыкнул.

Оливия наклонилась к сэру Дензилу, давая гостю удобную возможность полюбоваться на ее грудь.

– А вы занимаетесь музыкой, сэр?

– Да, мадам, как и все Кроутоны. – Он повертел в руке ложку с кусочком яблочного пирога. – Разве музыка не пища любви?

В этот момент он сообразил, что, рассуждая о любви, не слишком вежливо так долго и внимательно разглядывать бюст хозяйки. Отправив в рот пирог, сэр Дензил перевел взгляд на Кэт.

– Как бы я хотел послушать ваш дуэт! – не успокаивался Эдвард. – Не сомневаюсь, эффект будет сногшибательным.

Наконец обед закончился, и господин Олдерли удалился в свой кабинет вместе с гостем. Тот тяжело опирался на его руку и напевал себе под нос: «До дна очами пей меня». Эдвард попрощался с дамами и ушел из дому.

– Итак, – произнесла Оливия, направляясь вместе с Кэт в гостиную. – Скоро ты станешь леди Кроутон.

– Неужели это обязательно, мадам?

– Да. – Оливия изящно опустилась в кресло и взяла свое вышивание. – Твой дядя принял решение. Денег у сэра Дензила нет, однако к нему прислушивается и сам король, и его окружение. Но не тревожься. Свадьба состоится не раньше зимы. Господину Олдерли нужно время, чтобы оценить финансовое положение сэра Дензила и подготовить договоренности. Полагаю, сэр Дензил не из тех мужчин, которые позволяют себе вольности до женитьбы. – Лукавая улыбка тети Оливии придала ей сходство с кошкой. – А может быть, и после. Единственное, что от тебя потребуется, когда станешь женой сэра Дензила, – как следует его кормить. Запомни мой совет, милая: хороший повар и ломящийся от яств стол избавят тебя от многих неприятностей.

– Но я не хочу выходить замуж за сэра Дензила.

– Неужели ты настолько глупа, что мечтаешь о любви? Ты ведь благоразумная девочка. Любовь и брак – совершенно разные вещи, дитя мое.

– Я не хочу выходить ни за кого.

Оливия воткнула иголку в шелк.

– Ты должна делать, что тебе велят, – ответила она. – Ты же не можешь и дальше жить у нас, бездельничать и целыми днями рисовать на обрывках бумаги какие-то каракули. У тебя из-за этого все пальцы в чернилах.

– Это вовсе не каракули, мадам. Это планы... чертежи зданий, которые...

– И слушать не желаю. – Тетя Оливия начала сердиться. – Занятия такого рода не подходят для леди. Между прочим, ты должна быть благодарна дяде за то, что он по доброте устраивает твой брак. Он хочет, чтобы ты ни в чем не нуждалась, поскольку ты единственное дитя его бедной снохи, к тому же, выйдя за сэра Дензила, ты сможешь помогать и дяде, и кузену. Не забывай, договориться об этой помолвке было непросто, ведь сэр Дензил знает, кто твой отец. Все это знают.

Глава 6

Когда Кэт была совсем маленькой, у Ловеттов была собака. У этого беспородного пса не было даже имени, зато он обладал безграничным терпением. Джем во многом его напоминал. Одно из самых ранних воспоминаний Кэт: вот она по-детски неуклюже идет по саду перед их домом на Боу-лейн, с одной стороны Джем держит ее за руку, а с другой трусит собака.

Объяснить, каковы обязанности Джема в Барнабас-плейс, было бы затруднительно. В прежние времена он работал на отца Кэт в качестве и доверенного секретаря, и личного слуги. Но когда начались их беды, отец отправил его вместе с Кэт к тете в Чампни. Позже Джем переехал вместе с ней к дяде Олдерли.

Джем уже тогда достиг преклонного возраста, однако дышал он легче, а его суставы сгибались лучше. В Барнабас-плейс его не ценили. Джем ночевал на чердаке над конюшней вместе со слугой, который убивал крыс, выносил помои и занимался прочей грязной работой. Ел он на кухне для прислуги и делал все, что прикажут. Джем работал без жалованья, только за еду и кров, но Кэт время от времени давала ему несколько пенсов или даже пару шиллингов.

– Так нечестно, – однажды сказала Джему Кэт. – Ты трудишься день-деньской и все для них делаешь. Они должны тебе платить.

– Хозяин ничего не отдает просто так.

– Но ты ведь приносишь ему пользу.

– Вы не понимаете, госпожа. Я никто. По крайней мере, для вашего дяди. Пропади я, его высокородие даже не заметит, так зачем ему мне платить? Если он хоть раз об этом задумывался, то понимает – я и без денег тут останусь, потому что идти мне некуда. Ваш дядя просто так с деньгами не расстаётся. Поэтому он и разбогател.

Вечером в день званого обеда, после того как сэра Дензила Кроутона проводили до кареты, Кэт отправилась на поиски Джема. Она нашла его на малом дворе за прачечной. Сняв ливрею Олдерли и переодевшись в свои повседневные обноски, он варил щелок – смесь пепла и мочи, в которой замачивали сильно испачканные вещи. Обычно это женская работа, но прачка осталась без двух своих помощниц, – скорее всего, обе девушки и их родные пополнили число погорельцев.

Стены двора поднимались высоко, запирая внутри горячий воздух, а сверху тяжело нависало серое небо, подсвеченное оранжевым сиянием. Даже здесь земля была усыпана пеплом. Кэт некоторое время наблюдала за работой Джема, прежде чем слуга ее заметил. Он перемешивал щелок, склонившись над бочкой, и пот струился по его рубашке и рукам. Тонкие седые волосы уныло свисали до плеч.

Кэт окликнула Джема, и старик обернулся. От жары и тяжелой работы его лицо покраснелось и блестело от пота. Он глядел на Кэт без улыбки.

Кэт сморщила нос.

– Иди сюда. Не могу же я разговаривать с тобой издалека.

Она вошла в сарай. За ее спиной раздавалось шарканье Джема. Кэт остановилась и развернулась к нему.

– Как ты это терпишь? – выпалила она первое, что пришло на ум: у Кэт болела голова и ей трудно было собраться с мыслями. – Вонь, жару?

Джем пожал плечами, и Кэт сообразила, что для него этот вопрос не имеет смысла.

– Лейн не возвращался? – в свою очередь спросил Джем.

– Насколько знаю, нет. А что?

– Мне кажется, что-то с ним нечисто, госпожа. – Джем поглядел на нее. – Вечно ему надо выяснять, где вы.

– Правда? Это еще зачем?

– Кто ж его знает? Но я несколько раз слышал, как он спрашивал про вас горничную вашей тетушки, а еще я заметил, что Лейн с вас глаз не сводит. Кажется, на днях он рылся в моих вещах, хотя наверняка не скажу. Если так, то он мог наткнуться на...

– Мне сейчас не до Лейна, – перебила Кэт. – Сегодня вечером хочу пойти в город. Мне снова понадобится одежда. – (Джем покачал головой.) – Старая рубашка и штаны, только и всего.

– Нет, госпожа.

– В доме наверняка отыщутся подходящие вещи. Загляни в сундук с лохмотьями для бедных. Непременно что-нибудь подберешь. Плащ у меня уже есть. Я его вчера нашла.

– Опасное дело вы затеяли.

– Это не тебе решать. Хочешь, денег дам? Может, тогда тебя будет легче уговорить?

– Не стану я вам помогать.

– Но почему?

Джем смотрел ей глаза в глаза:

– Потому что вы можете попасть в беду.

– И что с того? – возразила Кэт. – Я должна увидиться с отцом. Меня выдают замуж за сэра Дензила. Я лучше умру.

Джем оставил ее слова без внимания.

– Зря я вас вчера отпустил, – произнес он. – Сити во время пожара – ну просто сумасшедший дом.

Кэт топнула ногой:

– Нет, ты найдешь для меня одежду. А потом будешь ждать у двери ипустишь меня, когда я вернусь.

– Не бывать этому.

– Я тебе приказываю.

– Уж простите, госпожа.

Кэт шагнула к двери:

– Без тебя у меня ничего не получится.

Но Джем не сдавался:

– Вы даже не знаете, с чего начать поиски. В соборе Святого Павла вы с ним теперь не встретитесь.

– Я его обязательно найду. Может быть, он на Боу-лейн.

– От Боу-лейн ничего не осталось.

Кэт понадобилось некоторое время, чтобы уложить в голове эту мысль: дома, где она выросла, больше нет.

– Значит, он где-то поблизости.

– Ваш отец может быть где угодно, госпожа. Конечно, если он жив.

– Ну разумеется, жив. – Кэт едва не испепелила Джема взглядом. – Ты можешь передать ему весточку?

– Нет. Он всегда первым передает весточку мне. Так надежней.

– Каким образом?

Джем встал поудобнее, чтобы перенести вес с хромой ноги.

– Мне не велено вам рассказывать.

Кэт состроила гримасу:

– Отец не видел меня шесть лет. Он забывает, что я уже не дитя. Ты, кстати, тоже, хотя тебе оправдаться нечем.

Джем долго глядел на нее.

– Есть один человек, – наконец проговорил он. – Иногда он приносит мне письмо, а бывает, просто записку. А я передаю свои письма и записки через него. Вчера этот человек сказал мне, что вы должны прийти в собор и ваш отец подойдет к вам в проходе Святого Павла.

– Кто этот человек? Где его искать?

– Не знаю, госпожа.

Кэт рассердилась:

– Ну должен же ты хоть что-нибудь знать!

Джем ответил не сразу, но затем медленно произнес:

– Он живет где-то возле Курситор-стрит. Кажется, он портной. В прежние времена я его иногда встречал.

– Значит, я отправлюсь туда и найду его. Если отец не у него, возможно, этот человек знает, где он.

– Я вас не пущу, – возразил Джем. – Не позволю вам глупости делать. Давайте я поищу вашего батюшку. Или еще лучше: наберитесь терпения, и он сам объявится.

– Нет, я пойду. А ты должен мне помочь.

Джем покачал головой:

– Опасность слишком велика. Если узнают, что ваш отец в Лондоне, его будут судить за измену. А вместе с ним всех, кто его укрывал.

Кэт вскинула руку, собираясь отвесить Джему пощечину, но потом медленно опустила ее.

– Ну что ты упрямисься, старик? Достаточно одного моего слова – и тебя вышвырнут на улицу.

– Раз так, скажите это слово.

Наконец длинный вечер подошел к концу.

Дядя Олдерли и кузен Эдвард побывали в Сити, а потом отправились дальше на запад, в сам Уайтхолл. За ужином только и разговоров было о том, что они видели. Пожар утрачи-

вал свою силу, но Сити по-прежнему в огне, и все боятся, что пламя доберется до большого порохового погреба в Тауэре, особенно если ветер опять переменится. Великий исход из Сити продолжается. Сбежали семьдесят-восемьдесят тысяч человек, не меньше. Все они хлынули в уцелевшие предместья, в Хаундсич и Чартерхаус, в Западный Смитфилд и Кларкенуэлл и даже в Хаттон-Гарден, где они обосновались прямо у стен Барнабас-плейс.

– Они все будто во сне, – рассказывал господин Олдерли. – Люди просто не в состоянии осознать, что случилось.

Беглецы разбили лагерь везде, где только можно. Парк в Мурфилдсе был забит ими до отказа: двадцать акров земли заняла рыдающая, причитающая или спящая человеческая масса. Некоторые переправились через реку и поселились в Сент-Джордж-Филдс, хотя даже этим засушливым летом земля там остается заболоченной и по ночам от нее поднимаются скверные испарения. Другие – то ли неленивые, то ли просто напуганные – ушли еще дальше, на холмы Ислингтона.

– Бог знает чем это все закончится, – произнес господин Олдерли. – Если люди покинут Сити, для чего им сюда возвращаться?

Во взгляде Оливии отразилась тревога.

– Что же нам делать, сэр?

– Вам не о чем беспокоиться, моя дорогая. Куда бы люди ни отправились, деньги им понадобятся. Я предпринял необходимые меры предосторожности. Поэтому наши дела будут идти хорошо, какая бы судьба ни постигла пепелище Лондона.

Тетя перегнулась через стол и погладила мужа по руке:

– Вы так мудры, сэр!

Господин Олдерли тут же отдернул руку: публичные проявления чувств его смущали. Однако восхищение супруги польстило ему.

– Лейн вернулся? – спросил господин Олдерли.

– Нет, сэр.

– В таком случае придется его рассчитать. Да, я помню, он ваш слуга, но я не потерплю в доме человека, который пренебрегает своими обязанностями.

– Может быть, Лейн не виноват. Что, если он задержался из-за Пожара? Вдруг с ним что-то случилось?

Господин Олдерли нахмурился:

– Посмотрим. А пока нужно найти другого слугу, чтобы прислуживал нам за столом. Не желаю больше видеть этого калеку.

– Да, сэр. Хорошо, сэр.

– Мы встретили сэра Дензила, – через некоторое время сообщил Эдвард. – Он был у герцога Йоркского. – Кузен повернулся к Кэт, чтобы отец и мачеха не видели его лица. – Мы с ним выпили за вашу помолвку, кухня, и за скорейшее появление наследника Кроутон-холла.

– Это нам всем пойдет на пользу, – заметил господин Олдерли и в кои-то веки улыбнулся Кэт. – К Рождеству обвенчаетесь, а на следующий год к Михайлову дню подаришь мужу здорового сына.

– Советую наладить отношения с его французским поваром, кухня, – прошептал Эдвард так, чтобы не услышал отец. – Повара-французы изобретательны и горазды на всякие хитрости. Он наверняка поможет тебе разжечь пыл сэра Дензила.

После ужина Оливия ушла с Кэт в свою спальню, чтобы обсудить свадьбу: где состоится торжество, кого пригласить и какие платья заказать.

Пока они беседовали, Энн помогала хозяйке раздеться. Оливия сидела за туалетным столиком в пеньюаре из голубого шелка, отделанном кружевом. Четыре свечи отражались в зеркале, тускло освещая ее лицо. В теплом воздухе стоял густой запах духов.

Оливия находила тему разговора чрезвычайно интересной, и беседа – без сомнения, первая из многих, как заметила тетья, – продолжалась дольше, чем рассчитывала Кэт.

Взгляд девушки остановился на погруженной в тень огромной кровати с балдахинном. Кэт представила, как дядя Олдерли, этот чопорный противный старик, кричит, раскорячивается и подпрыгивает на ней. От этой картины в сочетании с запахом благовоний и чересчур женственной обстановкой в комнате тети Оливии Кэт стало трудно дышать.

Оливия и дядя Олдерли не подходят друг другу. Не может быть, чтобы ей были приятны знаки его мужского внимания, рассуждала Кэт, однако в чужом присутствии она во всем старается угодить супругу. Но Кэт слышала, как они громко спорили за закрытыми дверями.

Значит, вот что такое брак? Искусственно созданный союз? Возня и крикание в спальне? На людях – выражения преданности, наедине – ссоры, и все это приправлено тайным вождением, удовлетворяемым на стороне?

Энн пошла за горячей водой.

– Ах, как это все волнующе, не правда ли? – произнесла тетья Олдерли. – Тебе есть что предвкушать. Рассказывают, Кроутон-холл – великолепное поместье.

Кэт подалась вперед и увидела в зеркале подрагивающее отражение тетиного лица.

– Мадам, я не хочу выходить замуж за сэра Дензила, – проговорила она. – И это не каприз. Неужели нет другого пути?..

– Дитя мое, ты должна слушаться тех, кто старше и умнее тебя.

– Он мне не нравится.

– Ты уже говорила. Но это такой пустяк, моя дорогая! Если на то будет воля Божья, симпатия придет позже, как и у большинства семейных пар. А пока не забивай себе голову. Главное, что сэр Дензил – превосходная партия, и твой дядя одобряет ваш союз.

– Но он такой...

Тетья Олдерли покачала головой:

– Больше ни слова, дорогая. Ты переутомилась, вот и говоришь всякие глупости. К тому же этот ужасный Пожар выбил нас всех из колеи.

Раздался стук в дверь, и вошла Энн с кувшином горячей воды.

– Украшения обсудим позже, – быстро сменила тему тетья. – А сейчас, милая, тебе пора спать. У тебя под глазами огромные круги. Хочешь, Энн поможет тебе раздеться?

– Нет, спасибо, мадам.

Наконец освободившись, Кэт со свечой в руке поднялась по лестнице на этаж над хозяйскими спальнями. Она так часто проделывала этот путь, что не заблудилась бы даже в темноте.

Время от времени она проходила мимо окон, в которых мелькал ночной Лондон, светившийся, будто тлеющий костер. Кэт показалось, что пламя уже не такое яркое, – похоже, разъяренная стихия постепенно унимается. Время от времени доносились приглушенные звуки взрывов. Снос домов продолжался.

На секунду перед мысленным взором Кэт предстал новый Лондон, который вырастет на этом пепелище: город площадей и широких улиц с величественными церквями и добротными зданиями из кирпича и камня. Как только Кэт благополучно доберется до спальни, она достанет свой ящичек с принадлежностями для рисования и бумагу и наметит контуры этого нового прекрасного города. Ящичек ей подарила другая родственница, тетушка Эйр, и он напоминал Кэт о тех временах, когда она была счастлива.

Отперев дверь, девушка вошла в комнату. Потом, не выпуская из руки свечу, вставила деревянный клин над щеколдой, чтобы ее нельзя было открыть снаружи. Этот клин она вытесала сама из щепки для растопки, воспользовавшись ножом, который по ее поручению купил Джем.

Кэт поставила свечу на стол под окном и распустила шнуровку на корсаже платья.

И тут у нее за спиной раздался смешок. Кэт вздрогнула и обернулась.

– Дай я тебе помогу, красотка.

Эдвард стоял почти вплотную к ней. На секунду Кэт показалось, что он возник из воздуха, будто злой дух, – тем более что злобы у него хватает. Но Кэт быстро сообразила, что кузен поджидал ее в углу между большим шкафом для белья и стеной.

Эдвард улыбался ей. На нем был стеганный шелковый халат, отороченный мехом, а на голову он повязал шелковую косынку. Без парика Эдвард выглядел моложе, и в нем было проще узнать прежнего мальчишку, только располневшего.

Мальчишка, который дергал ее за волосы и как-то раз подложил ей в кровать дохлую ворону.

Кэт попятилась.

– Уходи, – велела она. – Я закричу.

– Кричи сколько хочешь, милая. Никто не услышит.

Еще не успев договорить, Эдвард схватил ее.левой рукой он зажал ей рот и нос и пригнул Кэт к себе. Его правая рука обхватила ее за талию.

Задышавшись, Кэт попыталась вырваться. Она попробовала лягаться, но ее мягкие домашние туфли оказались плохим оружием.

Левая рука Кэт скользнула по столу и нащупала подсвечник. Девушка схватила его и ткнула горящую свечу Эдварду в щеку. Свет погас. Кузен выругался и вцепился в нее еще крепче.

– Ах ты, дикая кошка, – прошипел Эдвард.

А потом – темнота. Темнота и боль.

Глава 7

«Ничто не длится вечно, – думала Кэт. Разве смерть не обрывает любые страдания?»

Она лежала в темной комнате на спине: ноги раздвинуты, подол платья задран. Какой теперь смысл скромничать? Боль была сильной, но Кэт ощущала ее отстраненно, будто чужую. Казалось, эту боль испытывала девушка, которую Кэт раньше близко знала, но теперь та стала для нее посторонней.

Время от времени били церковные часы. Это тоже казалось Кэт странным: подумать только, в разрушенном городе до сих пор сохранились церкви с часами и колоколами, по которым можно узнать время.

Церкви посреди мертвого пепелища.

Постепенно в голову Кэт пришли другие мысли. Можно пойти к тете Оливии, молясь, чтобы не обнаружить под балдахином дядю Олдерли.

Но Оливия скажет, что именно этого и следовало ожидать: вот почему джентльмены все время крутятся возле хорошеньких горничных – и даже не очень хорошеньких. Тетя упрекает племянницу в том, что она была недостаточно осторожна, а главное, заявит, что Кэт сама виновата.

Так уж устроен мир. Мужчины всегда пристают к женщинам. Об этом Оливия рассуждала весной, когда рассчитала служанку за то, что та понесла. Кэт заметила, что хотя бы часть вины следует возложить и на мужчину.

– Но виновата женщина, Кэтрин, – возразила Оливия. – Так же, как Ева повинна в изгнании из рая. Твой дядя всегда говорит, что женщина вводит мужчину в грех, и, конечно же, он прав. Этой девице следовало вести себя осмотрительнее, а теперь пусть расхлебывает последствия. Больше тут обсуждать нечего.

Что, если Кэт вышвырнут на улицу, ведь падшей женщине место в канаве? Нет, вряд ли – родственники просто сделают вид, будто ничего не случилось. Дядя твердо намерен выдать ее за сэра Дензила, а если господин Олдерли принял решение, ни за что не передумает.

Тут Кэт посетила еще одна мысль. Если она все расскажет дяде и тете, разве они ей поверят?

В детстве ее сбросила лошадь, и Кэт неудачно приземлилась на груды камней. Это случилось почти за год до того, как ее тело стало меняться и у нее начались месячные. Но после падения кровь у Кэт шла оттуда же, откуда у женщин в определенные дни месяца.

Кэт ощупала себя, но единственным следом произошедшего была боль. Кто же ей поверит без пятен крови, доказывающих, что она лишилась невинности? В таком случае слово Эдварда будет против ее слова, а слово Кэт в этом доме ничего не стоит. В глазах отца Эдвард непогрешим. А она всего лишь нежеланная племянница, родня по закону, но не по крови, дочь человека, чье имя не произносят вслух. Для Олдерли она лишь товар, который можно обменять, купить или продать.

А еще товар можно украсть или испортить.

Даже Джем от нее отвернулся. Он не станет ей помогать – хотя какая помощь от слуги-калеки? Этот старик ничего не понимает – только и знает, что твердить про осторожность.

Время шло.

Этого Кэт никогда не забудет – и не простит.

Внезапно у нее созрел план. Решение сразу оформилось у нее в голове, и в долгих раздумьях не было нужды. Других путей у нее не осталось.

Щелкнула задвижка, и у Кэт перехватило дыхание. Она открыла дверь и прислушалась.

Вокруг раздавались звуки Барнабас-плейс: скрип, беготня грызунов, шепот сквозняков. Воздух по-прежнему был душным и теплым.

Кэт подняла свечу, но от ее сияния тени стали еще гуще. Глаза Кэт медленно привыкали к темноте. Предраассветный час темней всего. Но Пожар по-прежнему окрашивал ночное небо. В конце коридора в окне с незадернутыми шторами виднелось мрачное алое зарево.

С узлом под мышкой Кэт вышла из своей комнаты и закрыла дверь. Она надела самое простое платье. Туфли лежали в узле вместе с кожаной сумкой, куда Кэт сложила кое-какие вещи и среди них ящик с принадлежностями для рисования.

С ее плеч свисал серый плащ, который Кэт украла вчера вечером у молодого человека возле собора Святого Павла. На секунду ее настигли угрызения совести. А ведь тот молодой человек хотел помочь ей и, возможно, спас ей жизнь, когда охваченная паникой девушка кинулась к собору в отчаянной надежде разыскать отца. Кэт толком не разглядела, как выглядел незнакомец, помнила только, что из-за болезненной худобы его голова походила на череп, обтянутый кожей. А еще у него были густые темные брови: такие больше подошли бы мужчине покрупнее и постарше.

От каждого движения боль пронзала Кэт изнутри. Она прошла под аркой, повернула направо и у подножия парадной лестницы замерла в нерешительности. Единственным источником света здесь была ее свеча.

Лестница вела вниз к площадке с балюстрадой. Пол застелен коврами, на отполированных деревянных панелях настенные канделябры, на потолке изысканная гипсовая лепнина. Но в темноте всей этой роскоши не видно.

Комната Оливии с кроватью под балдахинем располагалась внизу. Рядом спальня госпоина Олдерли: там стояли кровать, стол, а также большой инкрустированный шкаф работы голландских мастеров и несколько шкафчиков для белья. Третья комната пустовала.

Кэт прислушалась, но в доме царил тишина.

Она прошла к арке, за которой скрывалась винтовая лестница. Кэт шла на ощупь, по памяти, ориентируясь лишь по глубине теней за пределами круга света от ее свечи. После каждого шага она останавливалась, чтобы прислушаться, хотя нужно было спешить. Этот же путь, только в другую сторону, она проделала вчера вечером, когда Джем провожал ее в спальню.

На нижнем этаже дверь вела на боковую площадку. В отличие от главной площадки, находившейся на месте покоев настоятеля монастыря, в былые времена размещавшегося в нынешнем Барнабас-плейс, с этой площадки можно было попасть в другую часть дома, расположенную перпендикулярно этой. Спальня Кэт была на верхнем этаже.

Вот площадка превратилась в коридор, тянувшийся вдоль внешней стены. Справа через равные промежутки располагались четыре двери. Все они были закрыты. Кэт проскользнула по коридору к третьей двери. Потом застыла и вся обратилась в слух.

До нее донесся низкий ритмичный храп. Кэт опустила узел на пол. Она села, потом прижалась щекой к полу. Через щель под дверью проникал сквозняк. Но главное, в комнате было темно.

Кэт встала, поморщившись от резкой боли. Соседние комнаты не заняты: они обставлены как спальни для гостей, но в доме Олдерли редко кто-то останавливается. Раньше Эдвард ночевал в третьей спальне рядом с опочивальнями отца и мачехи, но его привычка возвращаться домой под утро, вдобавок пьяным, доводила господина Олдерли до белого каления, и в конце концов он велел сыну перебраться в дальнее крыло.

Кэт сунула руку в карман платья, вытащила нож и подняла щеколду.

Дверь распахнулась беззвучно: Оливия не терпит в своем доме скрипучих петель. Храп зазвучал громче. Кэт почувствовала омерзительное зловоние, напомнившее ей о диких животных в зверинце Тауэра.

Прикрыв ладонью огонек свечи, Кэт шагнула в темноту. При слабом свете она разглядела, что балдахин вокруг кровати задернут. А еще она заметила рядом темную фигуру, похожую на силуэт карлика в высоком парике. На одну кошмарную секунду Кэт испугалась, что ее подстерег сэр Дензил Кроутон. Подсвечник в ее руке дрогнул, и Кэт чуть его не выронила. Но к ней быстро вернулась способность соображать здраво: это всего лишь подставка с париком Эдварда.

Кузен продолжал храпеть. Кэт отдернула полог и осветила на кровать.

Эдвард раскинулся на спине. В первое мгновение она его не узнала: он снял шелковую косынку, которую носил дома, когда ходил без парика. Его лысая голова оказалась совсем голой, как только что почищенная картофелина, да и формой она мало чем отличалась от нее. Из-за жары Эдвард сбросил одеяло. На нем была белая льняная сорочка с распахнутым воротом.

Храп оборвался без предупреждения. Внезапно наступила зловещая тишина, и Эдвард устремил взгляд на Кэт. Свеча отражалась в его глазах, в каждом зрачке по огоньку.

Думать было некогда. Кэт ткнула ножом в глаз, который был ближе к ней. На секунду острое встретило сопротивление, а потом вонзилось в глазное яблоко, отчего то затряслось, будто вареное яйцо без скорлупы, когда режешь его ножом.

Все тело Эдварда дернулось, и он завизжал – пронзительно, будто девушка. Его рука потянулась к ней. Кэт отпрянула. Свеча в подсвечнике качнулась, и огонь перекинулся на край полога.

В тусклом свете кровь казалась черной. Она сияла, будто жидкое черное дерево.

Огонь взбежал вверх по пологу, и вот он уже полыхал в двух, а потом и в трех местах.

Эдвард с завываниями и рыданиями корчился на матрасе, закрыв лицо руками.

Кэт повернулась и бросилась бежать. В руке у нее по-прежнему была свеча. Каким-то чудом она не погасла, но огонек подпрыгивал и дергался в диком танце.

В спину Кэт неслись крики, а пламя разгоралось все сильнее, заливая спальню ярким светом.

– Госпожа...

Она ахнула и выронила узел.

Шепот донесся слева. Кэт уловила тяжелое дыхание, впрочем она сама едва переводила дух. В подвале, где сквозь стену просачивалось зловоние от выгребной ямы, стояла звенящая тишина. Отсюда было не видно и не слышно ничего, что происходило наверху. Ни криков, ни огня.

– Джем. – Слова вылетали у нее изо рта отрывисто, по одному зараз. – Что ты здесь делаешь?

– Жду вас, госпожа.

В темноте Джем пошевелинулся рядом с ней. Кэт подняла свечу и увидела рядом бледное лицо старого слуги.

– Ты же отказался мне помогать, – произнесла девушка.

– Я здесь не за этим. – Дыхание Джема с хрипом вырывалось из груди. – Я боялся, что вы уйдете. Я должен вам помешать. Вы ведь совсем не подумали. Очень может быть, что вашего отца нет в живых.

Кэт нагнулась за своим узлом:

– После нашего разговора произошли события, которые все меняют.

– В городе ничего не изменилось. На улицах так же опасно.

Кэт не стала подбирать слова:

– В доме еще опасней. Эдвард взял меня силой.

– Взял силой?..

Ужас в голосе старика доставил Кэт извращенное удовольствие. Она добавила:

– Вечером он зашел в мою спальню и подкараулил меня. Эдвард меня изнасиловал.

– Вы же еще совсем дитя!

– Не говори глупостей, я уже взрослая, – сердито бросила Кэт, от возмущения забыв понизить голос. – А когда Эдвард уснул, я пошла к нему в спальню и ударила его ножом в глаз.

Джем коснулся рукой ее локтя. Не сдержавшись, девушка громко всхлипнула.

– Он мертв? – спросил Джем.

– Надеюсь, что да. – Кэт набрала полную грудь воздуха и выпалила: – Мне надо бежать. Куда угодно. Здесь я оставаться не могу.

– Тогда я вам помогу.

– Но ведь мне некуда идти. Везде опасно.

– Есть одно место.

Кэт повернулась и наугад шагнула к Джемму. Он обнял ее. Девушка вся дрожала, но не плакала.

– Дитя мое, – произнес старый слуга. – Вы должны уйти одна. Я вас только задержу. Идите в «Три петуха», это рядом со Стрэндом. Заходите в дом слева, на нем висит вывеска с зеленой ступой и пестиком. Спросите госпожу Марту Ноксон. Она моя племянница, в доме Олдерли про нее не знают. Отдайте ей это, и она поймет, кто вы. Может быть, там вас найдет отец.

Джем вложил что-то Кэт в руку – какой-то маленький гладкий предмет, изогнутый, холодный и твердый.

– Спрячьте в карман, – велел Джем и чуть-чуть подтолкнул ее в спину. – А теперь идите, и побыстрее.

Издали донесся приглушенный лай, однако его резкие звуки становились все громче. Подали голос Гром, Лев, Жадина и Голозадый.

Глава 8

Я и так уже рассердил Уильямсона, поэтому не мог допустить, чтобы он осерчал на меня еще больше. В тот день я работал допоздна, а на следующее утро прибыл в Уайтхолл пораньше. Это был четверг, пятый день Пожара.

Новости радовали. Ветер стих и сменил направление: теперь он дул на север, и бороться с огнем стало проще. Докладывали, что возле Темпла герцог Йоркский остановил продвижение огня в западном направлении. Даст Бог, особняки на Стрэнде уцелеют, а вместе с ними и Уайтхолл. В других частях города огонь еще полыхал вовсю, однако его упорное наступление почти везде удавалось сдерживать.

Когда Уильямсон вошел в свой кабинет в Скотленд-Ярде, я уже работал. Я заранее знал, что он сейчас придет, потому что видел его в окно: мой начальник стоял во дворе и увлеченно разговаривал с дородным джентльменом с бородавкой на подбородке. Я ожидал, что Уильямсон будет в добром расположении духа, ведь Пожар утихал, однако его лицо было мрачным и встревоженным. Едва войдя, Уильямсон сразу подозвал меня, велел принести список погибших, а затем быстро проглядел его.

– Хорошо. За ночь ни одной новой жертвы. Господь к нам милостив. – Уильямсон понизил голос. – Но кстати, о погибших. Марвуд, одного человека в этом списке нет.

Уильямсон выдержал паузу, будто обдумывая некий важный вопрос, который выходил за пределы моего понимания. Я привык к этой его манере: к подобной тактике Уильямсон прибегал, чтобы усилить чувство собственной значимости, и, возможно, не только у других, но и у самого себя.

– Обнаружено тело, – сообщил Уильямсон. – Полагаю, вам следует взглянуть на него прямо сейчас.

Мы спустились по каменным ступеням, и от наших шагов вокруг разносилось гулкое эхо. Уильямсон шел впереди. На первом этаже он отправил привратника за фонарем, а пока мы ждали, Уильямсон обратился ко мне.

– На рассвете дозорные проходили возле собора Святого Павла, – понизив голос, стал рассказывать мой начальник. – Там до сих пор жарко, как в печи. Нищий сказал им, что в проходе Святого Павла лежит тело. Слева, в северной часовне, – вернее, в том, что от нее осталось.

– Там еще торговал продавец баллад, – припомнил я.

Проход Святого Павла в последние годы превратился в нечто среднее между рынком и местом для прогулок, а также для тайных свиданий. Основную часть дохода продавец баллад получал благодаря своему второму ремеслу – сводничеству.

Уильямсон кивнул:

– Перед тем как зайти в собор, двое сторожей оставили свой порох за его пределами и вытащили тело.

– Этот человек погиб при Пожаре, сэр?

– Он определенно не торговец. И вряд ли тело пролежало в часовне долго. Иначе кто-нибудь заметил бы его до Пожара.

– Но зачем тело привезли в Уайтхолл, сэр? – Я был так удивлен, что в моем голосе не прозвучало должного уважения.

Ответом мне была хмурая гримаса.

Привратник принес фонарь. Уильямсон жестом велел мне идти первым и освещать ему путь.

Мы спустились в подвал еще по одной лестнице. Раньше я ни разу здесь не бывал: дворец напоминает гигантский лабиринт, и мне знакома только малая его часть, и то приблизительно. Через весь подвал тянулся коридор с низкими сводами. В верхней части стены слева были сделаны маленькие зарешеченные отверстия, через которые внутрь проникало немного света и воздуха. Справа тянулся ряд запертых дверей.

Уильямсон достал из кармана ключ и отпер самую последнюю дверь. Мы вошли в комнату без окон, с низким цилиндрическим сводом из кирпича. Единственным предметом

мебели здесь был стоявший посередине массивный стол. В подвале, как и во всем Лондоне, сильно пахло гарью, а также нечистотами и сыростью.

Под простыней на столе высился неровный бугор.

– Уберите простыню, – велел Уильямсон.

Я поставил фонарь на стол и подчинился. Передо мной предстал обнаженный мужчина. Он лежал на боку лицом ко мне.

– Господь милосердный, – выговорил я.

Мужчина лежал на столе в неловкой позе: его руки были заведены за спину, отчего плечи выпятились вперед, а туловище выгнулось вбок. Казалось, мужчина хотел скатиться со стола, да так и застыл.

Свалявшиеся волосы до плеч казались серыми – видимо, и от пепла, и от седины. Мужчина был очень худ – кожа да кости. Голова поднята, шея вытянута – ни дать ни взять нос баржи.

– Кто он, сэр?

– Не знаю.

Уильямсон взял фонарь и осветил на тело. Оно было усыпано пеплом. Вблизи я заметил, что под слоем грязи кожа трупа желтая, как пергамент. От жара она вся сморщилась и покрылась волдырями. Смерд от тела не исходил, но это еще не значило, что смерть недавняя: под воздействием горячего воздуха оно быстро превратилось в мумию.

Подбородок мужчины зацепился за край стола, и его рот был открыт, отчего погибший казался удивленным. Уцелевшие зубы были обнажены в оскале. На виске темнел синяк.

– Его так и нашли – без одежды? – спросил я, поняв, что Уильямсон ждет от меня вопросов.

– Нет. Одежда здесь. – Уильямсон кивком указал на скамью у стены.

– Должно быть, когда собор загорелся, этот несчастный не смог выбраться наружу.

Уильямсон пожал плечами.

– Переверните его, – распорядился он таким небрежным тоном, будто приказывал мне перевернуть страницу или отпереть дверь.

Перед моим мысленным взором неотступно стояла картина: под сводами подвала парит душа этого человека и наблюдает за нами. Одной рукой я взялся за плечо трупа, другой – за бедро. Прохладная плоть на ощупь была податливой. Казалось, будто у меня в руках кусок вареной свинины. Я осторожно потянул тело на себя.

Телу не хватало жесткости, присущей недавно умершим, что делало его пугающе непредсказуемым, и я все время боялся, что от моих манипуляций оно упадет со стола. А еще оно оказалось неожиданно тяжелым. Наконец труп сдвинулся с места и со стуком перевалился на грудь.

Теперь руки торчали кверху.

– Видите? – тихо спросил Уильямсон.

Мы с ним стояли бок о бок, в свете фонаря разглядывая кисти рук погибшего. Большие пальцы связали шнуром так туго, что они почернели.

– Почему связаны пальцы? – спросил я. – Обычно связывают запястья.

– Не знаю. Но взгляните на его затылок, Марвуд.

Прямо под основанием черепа я разглядел на шее узкую рану.

– Клинок вонзили сзади, – заметил Уильямсон. – Прямо в мозг. Убийца знал, что делал.

Я промолчал. Нет никаких сомнений, что несчастный убит. Пожар помог скрыть много преступлений, и ничего удивительного, что в их числе оказалось убийство. Но я не понимал, почему этот случай так заинтересовал Уильямсона и зачем он привел меня смотреть на труп.

– Обратите внимание, во что был одет этот человек, – вдруг произнес Уильямсон.

Он направился к скамье и показал мне порванную рубашку, затем верхнее платье и бриджи – и то и другое с одинаковым рисунком. Я подошел поближе. От жара ткань потемнела, а местами и обуглилась, но я разглядел и на камзоле, и на бриджах широкие вертикальные полоски. Темные – похоже, что черные, – и желтые.

– Это ливрея? – уточнил я.

– Да.

К воротнику был прикреплен знак с гербом. Уильямсон потер его кончиком пальца. Птица пеликан кормила птенцов мясом, которое вырывала из собственной груди.

– Он слуга Генри Олдерли, банкира, – произнес Уильямсон. – Вы наверняка слышали об этом человеке. Перед нами герб и ливрея его дома. Вот почему тело принесли сюда. Мы должны выяснить, кто убил слугу Олдерли. Однако нужно действовать осторожно.

Король поплыл на барже в Тауэр, по пути осматривая сгоревшую столицу. Оттуда он намеревался поехать в Мурфилдс, чтобы обратиться к тем, кто сбежал из города. Господин Уильямсон предпочел бы войти в свиту его величества.

Но вместо этого ему пришлось отправиться в Холборн, в Барнабас-плейс, и сообщить Генри Олдерли о гибели его слуги, а я должен был сопровождать Уильямсона. Здесь было гораздо жарче, чем у реки, – даже на улицах, до которых пожар не добрался. В обычное время Уильямсон поехал бы в карете, но улицы были настолько запружены, что мы рисковали потратить на дорогу весь день. Уильямсон не привык к долгим прогулкам, и вскоре его лицо заблестело от пота.

Наступили тревожные времена. Вчера вечером разыгрались беспорядки, ходили слухи о нехватке продовольствия. Жители Лондона нападали на чужеземцев, обвиняя их в разрушении города лишь потому, что те прибыли из других земель. Король собрал ополчение из соседних графств, якобы для борьбы с огнем, но на самом деле вооруженные люди должны были следить, чтобы беспорядки не превратились в неуправляемый бунт.

Но даже в эти тяжелые для британской столицы дни господин Олдерли сохранял свой высокий статус. Он не просто банкир и олдермен Сити. Состояние господина Олдерли так велико, что, по слухам, в число его основных должников входит сам король.

Вполне естественно, что Уильямсон стремился оказать этому человеку должное уважение. Однако я был озадачен. Разве обязательно наносить ему личный визит в такое беспокойное время? Олдерли ведь не судья, не законник и не придворный.

Уильямсон часто оглядывался через плечо, словно боялся, что я убегу и брошу его одного среди обездоленных горожан и развалин. Должно быть, он не покидал Уайтхолл с прошлой недели. Видимо, мой начальник имел лишь примерные представления о том, что Пожар сотворил с Лондоном, и реальность застигла его врасплох.

Мы огибали остатки Сити, обходя те места, где огонь свирепствовал сильнее всего. Уильямсона неприятно поразило увиденное: дымящиеся руины, черные печные трубы посреди пепелищ, медленно бредущие по улицам толпы бездомных, нагруженных вещами и тащивших на себе тех, кому трудно было идти.

Все это ужаснуло и меня тоже, но у меня хватало и собственных забот. У господина Уильямсона не было никаких причин доверять мне и тем более хорошо ко мне относиться. Я поступил к нему на службу только в начале лета. Наши пути пересеклись при непредвиденных обстоятельствах, и этот поворот событий вряд ли его обрадовал.

В мае я в третий раз подал королю прошение, умоляя, чтобы наш безгранично милосердный государь сжалился и выпустил моего отца из Тауэра. Он был заключен в тюрьму после подавления восстания Веннера в 1661 году. Хотя отец не принимал личного участия в этой неудавшейся попытке захватить Лондон под знаменами короля Иисуса, до Реставрации он был

известен как «пятый монархист»³, и власти перехватили изменнические письма, свидетельствовавшие о том, что батюшка приложил руку к этому новому бунту. Поскольку мой отец был печатником, заговорщики попросили его напечатать декларацию, провозглашавшую замену земной монархии небесной. Отец по глупости согласился.

«Пятые монархисты» почерпнули свои убеждения из второй главы Книги пророка Даниила, в которой пророк толкует сон царя Навуходоносора об истукане, сделанном из золота, серебра, меди, железа и глины. На этом основании пророк предсказал рождение четырех царств, а затем пришествие пятого царства, которое сокрушит и поглотит все остальные, а само будет стоять вечно. Отец и его друзья несколько не сомневались, что этой Пятой монархией будет править король Иисус. А чтобы приблизить этот день, во время недавней Гражданской войны они решительно выступили против короля, и казнь Карла I состоялась во многом благодаря им.

Но, к их большому сожалению, после смерти монарха король Иисус на престол не взошел. Вместо Пятой монархии возникла Английская республика, вскоре превратившаяся в военную диктатуру Оливера Кромвеля. Официально не называвшийся королем, однако на деле являвшийся им, Кромвель проявлял все больше враждебности к своим бывшим союзникам, «пятым монархистам». Через год-два после его смерти монархия, ко всеобщему ликованию, была восстановлена в лице Карла II.

Но отец не терял надежды, и Пожар в Лондоне ее только усилил. Несмотря ни на что, он по-прежнему ждал разрушения земных монархий, пришествия короля Иисуса и наступления Царства Небесного на земле. А я по-прежнему старался заставить его помалкивать на этот счет.

Король не удостоил ответом мое прошение о помиловании, чему я ничуть не удивился, ведь такая же судьба постигла два предыдущих прошения. Но десять дней спустя мне написал господин Уильямсон и взял меня к себе на службу в Скотленд-Ярд.

Да, писал мне Уильямсон, в своем безграничном милосердии король решил, что моего отца можно отпустить на поруки, но лишь при определенных условиях. Первое – он должен уйти на покой и не искать встречи с теми из своих бывших сообщников, кто до сих пор на свободе. О том, чтобы батюшке вернули дом, имущество и печатню, разумеется, не могло быть и речи. Второе условие – гарантом благонадежности отца буду выступать я.

И третье условие – я поступаю на службу к господину Уильямсону и выполняю любые поручения, какие он посчитает нужным мне дать.

Когда после восстания Веннера мы впали в немилость, срок моего ученичества в мастерской отца подходил к концу. Другими словами, я обладал всеми знаниями и умениями, необходимыми для печатного ремесла. Вот почему Уильямсон пожелал, чтобы я работал с господином Ньюкомбом, печатником «Газетт», и не позволял тому обманывать правительство.

Однако с самого первого дня он давал мне и другие поручения. Годы учебы в школе собора Святого Павла мне все-таки пригодились: большинство подмастерьев таким образованием похвастаться не могли. По приказу Уильямсона я переписывал письма, вел записи, исполнял роль мальчишка на побегушках. Иногда даже разговаривал с людьми от его имени в случае, если Уильямсон хотел сохранить в секрете свой интерес к этим персонам.

Но зачем ему брать меня с собой в дом одного из богатейших людей королевства?

Почему его выбор пал на меня?

³ «Пятый монархист», или человек Пятой монархии – представитель религиозной секты, целью которой было приблизить воцарение на престол короля Иисуса. Были врагами династии Стюартов и считались государственными преступниками.

Глава 9

Особняк Барнабас-плейс находился неподалеку от Холборнского моста: именно там люди лорда Крейвена вчера усмирили огненную стихию. Улицы вокруг выглядели бедно, однако сам старинный дом впечатлял своими размерами. Похоже, он был почти целиком построен из камня – как заметил господин Уильямсон, в наше время, когда повсюду разлетаются искры, это очень удачно.

Я постучал в главные ворота рукояткой кинжала. Уильямсон оглядывался по сторонам, скривив губы в гримасе отвращения. Сейчас к обычным толпам нищих и просителей, которые собираются у ворот богатых людей, прибавились горожане, из-за Пожара лишившиеся домов.

Я постучал еще раз. На этот раз в воротах приоткрылось окошко, и привратник спросил, что нам нужно.

– Передайте господину Олдерли, что к нему по поручению короля пришел господин Уильямсон.

Привратник впустил нас, замахнувшись жезлом на двух женщин, пытавшихся проскользнуть внутрь вместе с нами. Одна из них держала на руках ребенка, завернутого в шаль. Вслед за привратником мы поднялись по ступеням крыльца и вошли в приемную.

Казалось бы, ничего особенного не происходило, но привратник отчего-то чувствовал себя не в своей тарелке. Глаза у него так и бегали, и ему явно не терпелось уйти. А когда привратник наконец вышел в коридор, мы заметили, как он что-то шепнул на ухо другому слуге, а потом оба обернулись в нашу сторону.

Шли минуты. Я стоял в эркере у окна, выходящего в маленький двор. Уильямсон мерил комнату шагами, то и дело останавливаясь, чтобы черкнуть карандашом что-то в записной книжке. После шумных улиц тишина в доме была особенно ощутима. Толстые стены Барнабас-плейс делали особняк одновременно и убежищем и тюрьмой.

– С чего вдруг Олдерли заставляет нас ждать? – выпалил Уильямсон.

Его северный выговор сейчас звучал особенно явственно.

– У них что-то случилось, сэр. Посмотрите.

Пока я стоял у окна, во дворе собралась целая толпа прислуги. Странно, что посреди дня никто из них не был занят работой. Они все чего-то ждали, беспокойно снуг туда-сюда и время от времени переговариваясь вполголоса. Казалось, слуги не знали, как себя вести, и к тому же не выказывали своих истинных чувств.

В этот момент дверь приемной открылась и вошла молодая леди. Мы с Уильямсоном обнажили головы и поклонились.

– Здравствуйтесь, госпожа Олдерли, – приветствовал ее Уильямсон.

Женщина присела в реверансе:

– Надеюсь, вы в добром здравии, господин Уильямсон.

Она мельком взглянула в мою сторону, и что-то в ее темных глазах заставило меня ощутить проблеск неуместного влечения к ней.

– Сэр, мой супруг просит прощения, но он вынужден задержаться, – сообщила она, не дожидаясь ответа. – Обещаю, он придет, как только сможет. Подождите еще несколько минут.

– Однако господин Олдерли дома?

Эта статная женщина с красивыми глазами была старше, чем мне сначала показалось. Даты в календаре сменяли друг друга быстрее, чем увядали ее чары. Хозяйка выглядела усталой.

– Да, сэра, – подтвердила она. – Еще раз извините за задержку. У нас произошло такое...

Госпожу Олдерли перебил стук в ворота. Бормоча извинения и шурша шелками, она выскользнула из комнаты.

Со двора донесся ее голос: хозяйка говорила повелительным тоном. Ей ответили привратник и некий мужчина. Через некоторое время в сопровождении привратника двор пересек человек в черном. Оба почти бежали, и слуги расступались перед ними.

– Я знаю этого человека, – заметил Уильямсон, встав рядом со мной возле окна. – Это же доктор Гроут.

– Врач, сэр?

– Разумеется. Ну не доктор же богословия! Он вылечил миледи Кастельмейн от французской болезни. Она на него молится.

Вернулась госпожа Олдерли:

– Простите, господа, у нас сегодня дом вверх дном.

– Кто-то захворал? – В голосе Уильямсона прозвучал страх, ведь для многих болезней каменные стены не преграда. – Надеюсь, к вам в дом не проникла чума?

– Слава богу, нет, сэр. – У госпожи Олдерли дернулся левый глаз. – Но случилась беда похуже. Ночью на моего пасынка Эдварда напали. Прямо в доме. Когда он спал.

Уильямсон так и сел:

– Боже мой, мадам! Он выживет?

– Все в руках Божьих, сэр, и в руках доктора Гроута. Бедного Эдварда ударили ножом в глаз. А еще у него ожоги: балдахин над его кроватью подожгли. Бедняга между жизнью и смертью.

– Вы поймали того, кто это сделал?

– Полагаем, что да. – Госпожа Олдерли села напротив Уильямсона и рукой, унизанной кольцами, указала на окно во двор. – Один старый слуга всегда его недолюбливал. Ночью он бродил по дому как раз в то время, когда на Эдварда напали. Сейчас мой муж вытрясет из него правду.

– Мадам, – начал Уильямсон, – я должен сообщить господину Олдерли еще об одном...

Он осекся. Во дворе началась какая-то суматоха. Через узкую подвальную дверь двое крепких слуг выволокли на улицу старика. Руки пленника были связаны спереди, лицо окровавлено, растрепанные волосы свисали до плеч. Он был одет только в рубашку и штаны. Старик шел босиком.

– Мало того – он поджег дом, – сообщила госпожа Олдерли. – Мы чуть не сгорели в собственных постелях.

Слуги протащили старика вверх по ступенькам, затем поволокли по мощеному двору к металлическому кольцу на противоположной стене. Ремнем они привязали руки пленника к этому кольцу. Слуга помоложе проверил, надежно ли застегнута пряжка.

Второй слуга принес козлы, установил их между стариком и стеной и заставил пленника встать на колени. Схватившись за ворот рубашки старика, он разорвал ее, обнажив тощую сгорбленную спину жертвы. Позвонки, проступавшие сквозь кожу, напоминали зубья костяной пилы.

Уильямсон и госпожа Олдерли тоже подошли к окну. Все мы молчали.

К маленькой группе во дворе присоединился еще один человек. На нем был темный камзол отменного качества. Он выглядел как преуспевающий торговец, старающийся не выставлять богатство напоказ. В руке он держал девятихвостую плетку со стальными наконечниками.

– Кто это, мадам? – спросил Уильямсон.

– Господин Манди, сэр. Наш мажордом.

И Уильямсон, и госпожа Олдерли незаметно для себя понизили голос.

Во дворе стояла тишина. Все, кроме Манди, застыли неподвижно. Он схватил связанного старика за волосы и повернул его голову так, чтобы жертва увидела все девять ремешков со стальными наконечниками и поняла, что ей предстоит вовсе не простая порка.

Манди выпустил волосы старика, потом отошел и замер в ожидании.

Прошли секунды, потом минуты. Я невольно затаил дыхание. Наконец из тенистой арки в дальней части двора вышел человек. Все, кроме старика на козлах, выпрямились и повернулись в его сторону.

Средних лет, высокий и худощавый, одет сдержанно, но при этом вид у него величественный. Этот человек приблизился к козлам и встал рядом с ними.

Теперь сцена во дворе напоминала то ли спектакль, то ли религиозную церемонию, как будто там совершался некий сакральный ритуал, освященный законом и подкрепленный традициями. Господин Олдерли имеет полное право отхлестать непокорного слугу плеткой, даже девятихвосткой, особенно если этот слуга подозревается в совершении тяжкого преступления. Разве Олдерли не хозяин в собственном доме, так же как король – владыка Англии, а Господь Бог – властелин всего мира? Здесь слово господина Олдерли – закон.

Но отчего-то при одном взгляде на Олдерли по одну сторону от козел и Манди с занесенной плеткой по другую меня пробрала холодная дрожь. Их жертва, связанная, точно поросенок, которого тащат на убой, была такой худой, оборванной и измученной!

Губы Олдерли шевелились. Окно было закрыто, к тому же оно располагалось высоко, и слов было не разобрать.

Мажордом наклонился к хозяину. Стремительным движением он высоко вскинул плетку и обрушил ее на стену над кольцом, к которому привязали жертву. От удара раствор между камнями раскрошился в пыль, и она повисла в воздухе крошечными облачками. Стальные наконечники не коснулись старика. Однако тот дернулся, будто надеясь высвободиться из пут.

Уильямсон увлеченно наблюдал за происходящим.

– Вы уверены, что на хозяйского сына напал именно он?

– В этом нет никаких сомнений, сэр. – Госпожа Олдерли взглянула на Уильямсона. – К тому же, проникни в дом посторонний, его бы растерзали мастифы.

Меня смутили не сами ее слова, а интонация, с которой они были произнесены, и быстрый взгляд, украдкой брошенный на Уильямсона.

«Госпожа Олдерли хочет, чтобы он ей поверил, – отметил я. – Для нее это важно».

– Но ради чего? – спросил Уильямсон. – Зачем он совершил такое страшное преступление против Бога и человека? Захотел поживиться?

Госпожа Олдерли снова устремила взгляд в окно:

– У него тяжелый, дурной нрав, сэр, и в его голове рождаются злобные мысли.

– Для чего же вам такой слуга?

– Он служил у родственника первой жены моего супруга – человека, который пошел с оружием против короля и совершил немало злодеяний во время недавней смуты. Господин Олдерли взял его к нам лишь из сострадания, иначе он бы умер с голоду. – И снова этот взгляд искоса в сторону Уильямсона. – И вот к чему привела доброта моего мужа.

Когда на старика обрушился первый удар плетки, я вздрогнул. Жертва закричала, и этот звук проник даже сквозь оконное стекло. Его тело выгнулось над козлами дугой. На боку и спине выступили пятна крови. Постепенно они слились в полосы, а потом превратились в разливающиеся алые реки.

Манди взглянул на хозяина, тот кивнул. Я не хотел этого видеть, но не в силах был отвести взгляд.

Плетка опустилась на спину жертвы снова, стальные наконечники на ремешках порвали кожу. Это заставило жертву содрогаться и хватать ртом воздух.

Капля крови попала на рукав камзола Олдерли. Манди ждал, пока хозяин доставал платок и вытирал кровь. Олдерли отошел подальше и снова кивнул мажордому.

Тот нанес третий удар.

– Другим слугам тоже будет наука, – выговорила госпожа Олдерли, сглотнув ком в горле, – похоже, это зрелище доставляло ей не больше удовольствия, чем мне. – Разумеется,

потом он предстанет перед магистратом, но господин Олдерли говорит, что сейчас их в городе не осталось. Все разбежались из-за Пожара.

К этому времени спина слуги превратилась в кровавое месиво, кое-где между лоскутами кожи белели обнажившиеся кости. Олдерли вскинул руку. Манди попятился и опустил плетть. Слуги, которые до этого стояли полукругом и перешептывались, наблюдая за поркой, теперь отошли подальше от мажордома, будто боялись, что плетка достанет их даже издали.

Жертва выгибала спину и делала судорожные вдохи. Олдерли наклонился и что-то сказал старику на ухо. Не знаю, ответил тот или нет, но Олдерли в любом случае остался недоволен. Он снова отошел и подал знак Манди.

– Очень жаль, что нельзя обойтись без этого, – произнесла госпожа Олдерли, отворачиваясь от окна.

Плетка хлестнула старика в четвертый раз.

Он дернулся и повис на козлах, голова поникла так, будто шея была не в состоянии удерживать ее вес. Бульжники под телом блестели от крови.

Я понял, что теперь передо мной не человек, а именно тело. Я сторгал от стыда и чувствовал себя запятнанным, словно, наблюдая за экзекуцией, я стал ее участником.

Уильямсон переступал с ноги на ногу:

– Да, неприятная история, мадам.

– Что верно, то верно, сэр, – тихо согласилась она.

Манди подошел к козлам и склонился над спиной, ставшей месивом из крови, сухожилий и костей. Подняв взгляд на хозяина, мажордом чуть заметно покачал головой. Казалось, по рядам слуг пробежала дрожь.

Олдерли что-то приказал мажордому, еще раз промокнул кровавое пятно на рукаве и пересек двор, даже не взглянув на тело. Остановившись возле нашего окна, он вскинул голову и поклонился. Господин Олдерли вошел в дом, и через секунду за дверью приемной послышались его тяжелые шаги.

Он отвесил еще один поклон господину Уильямсону – почтительный, но не раболепный, – кивнул жене в ответ на ее реверанс, а меня едва удостоил взглядом.

– Я весьма опечален тем, что вам пришлось наблюдать эту сцену, – произнес хозяин. – Приношу извинения.

– Дорогой... – В глаза супругу госпожа Олдерли не смотрела. – Преступник сознался?

– Да, – громко объявил Олдерли. – Перед самой своей кончиной. Мерзавец неблагодарный! Даже виселицы умудрился избежать! А ведь из-за него мой бедный сын при смерти.

– Я должна быть с Эдвардом, – сказала госпожа Олдерли. – Вы позволите мне удалиться, сэр?

– Ну конечно. Я и сам приду, как только смогу.

Я поспешил открыть перед ней дверь. Хозяйка выпорхнула из комнаты, вместо благодарности окинув меня быстрым оценивающим взглядом.

– Моя супруга поведала вам о наших несчастьях, сэр? – спросил Олдерли Уильямсона. – Сейчас доктор Гроут борется за жизнь бедного Эдварда. Врач не беретсЯ сказать наверняка, выкарабкается Эдвард или нет. В любом случае он не сможет видеть правым глазом. Кроме того, существует риск заражения крови. Правая рука очень сильно обожжена. Невыносимо видеть боль и страдания бедного юноши. От еще большего несчастья нас спасла только милость Божья: огонь в комнате Эдварда мог распространиться дальше, и тогда запылился бы весь дом. Мы все едва не изжарились в собственных постелях.

Уильямсон принес свои соболезнования так неловко, будто тащил тяжелый ящик с камнями. Ему, северянину, нелегко давались цветастые южные речи.

– Сэр, мне не следует отвлекать вас в такой момент, – произнес господин Уильямсон. – Но мое дело не терпит отлагательств.

Я снова отошел к окну, чтобы господу не подумали, будто я подслушиваю. Вокруг козел натекла лужа крови. Слуги уже утащили тело старика со двора.

– У вас ведь, если не ошибаюсь, пропал слуга?

Кровь на булыжниках высохла и стала похожа на ржавчину. Во двор вышел мальчик с метлой и ведром. Он выплеснул воду, и она описала серебристую дугу над козлами и булыжниками вокруг.

– Что? – переспросил озадаченный Олдерли. – Откуда вам это известно, сэр? Полагаю, вы говорите о Лейне?

Под окном показался мужчина с четырьмя мастифами, по два поводка в каждой руке. Он остановился и что-то сказал мальчику. А псы тем временем опустили свои массивные головы и принялись с энтузиазмом лакать воду с кровью.

– О Лейне? – Господин Уильямсон решил больше не церемониться. – Я не знаю, как его звали, сэр. Единственное, что мне известно: среди руин собора Святого Павла мы обнаружили человека в ливрее вашего дома. С прискорбием сообщаю, что он убит.

Глава 10

Во второй раз я посетил Барнабас-плейс один, и случилось это два дня спустя. Я брел по теплому пеплу среди развалин. Жар по-прежнему был силен.

Пепелище оказалось на удивление многолюдным: одни искали близких или руины своих домов, другие мародерствовали. Я слышал о людях, которые, подобно рудокопам, добывали в этом городе-призраке ценные металлы: здесь попадались и затвердевшие лужи свинца, и куски железа, и даже золотые или серебряные жилы. Лондон будто превратился во второй Новый Свет, где человека, не обремененного совестью, ждут не только ужасы, лишения и горести, но и богатства.

– Господина Олдерли нет дома, сэр, – сообщил привратник, открывая задвижное окошко в створке ворот. – Его высокородие два часа назад отбыл в Вестминстер.

– А госпожа Олдерли? – спросил я, немного оживившись, хотя сам понимал, как это глупо. – Она дома?

Привратник пошел узнать, согласится ли хозяйка со мной побеседовать. Через несколько минут он вернулся и провел меня в ту самую приемную с эркером, где я через окно наблюдал, как человека забили до смерти.

Определить, сколько прошло времени, я не мог, но, должно быть, не меньше получаса. Во дворе господин Манди приказал, чтобы подали лошадь. Богато одетый джентльмен маленького роста прошел через двор. Лица его было не видно из-под шляпы с двумя страусиными перьями. Они были выкрашены в лиловый цвет и подпрыгивали в такт походке владельца.

Вскоре за мной пришел слуга и повел меня вглубь дома.

– Что за джентльмен сейчас вышел во двор? – спросил я.

– Сэр Дензил Кроутон, сэр. – А потом слуга с явной гордостью за хозяина прибавил: – С ним обручена племянница его высокородия.

– Должно быть, сэр Дензил здесь частый гость?

– Его невеста сейчас в деревне. – Слуга взглянул на меня настороженно, будто опасаясь, что сболтнул лишнего. – Сэр Дензил справлялся о ее благополучии, а также о здоровье сына его высокородия. Сюда, сэр.

По выложенным каменными плитами коридорам слуга провел меня в богато обставленную гостиную с видом на маленький сад и велел ждать. Я уже смирился с тем, что даром потрачу еще полчаса, но всего через несколько минут в комнату вплыла госпожа Олдерли в сопровождении личной горничной.

– Мы с вами встречались в четверг, – заметила госпожа Олдерли. – Я вас помню, вы секретарь господина Уильямсона. Как ваше имя?

Я отвесил ей свой самый эффектный поклон:

– Марвуд, мадам. Джеймс Марвуд.

– Не знаю, когда вернется мой супруг. Но, может быть, я сумею вам помочь.

Опустившись в кресло, она жестом указала мне на другое, стоявшее напротив. «Какая поразительная снисходительность, – отметил я. – Она всегда так любезна или госпожа Олдерли хочет произвести на меня впечатление?»

Горничная расположилась в другом углу комнаты и занялась штопкой. Она бросила на меня быстрый взгляд, и ее лицо скривилось так, будто она проглотила ложку уксуса.

– Первым делом, мадам, господин Уильямсон велел спросить, как себя чувствует мастер Эдвард Олдерли.

– Спасибо, чуть лучше. Главное, что он жив. Сейчас с ним доктор Гроут. Он говорит, мы должны благодарить Господа за то, что нож не достал до мозга.

Я опустил голову, молча выражая свою благодарность за эту благую весть.

– Вам по-прежнему неизвестна причина нападения?

– Наш старый слуга – полоумный смутьян, его голова была забита кощунственными идеями. После недавней войны подобных безумцев пруд пруди. Но о Дžeme лучше не вспоминать, сэр, ведь нам его все равно не понять. – Помолчав, госпожа Олдерли тихо прибавила: – Мы очень благодарны господину Уильямсону за доброту. В тот день вас обоих послало к нам само Провидение.

Я восхитился тем, как деликатно она выразила свою мысль. Хотя Олдерли имел полное право высечь своего слугу, особенно после столь ужасного злодеяния, смерть виновного во время экзекуции – обстоятельство довольно-таки неприятное. Но Уильямсон – свидетель, в правдивости которого никто не усомнится, к тому же обладающий полезными связями, – оказался в доме в нужное время. Он урегулировал вопрос с властями, подчеркнув, что причиной смерти преступника, скорее всего, стали болезни и старость, а не избиение, а также заметив, что гибель слуги – лучший исход для него самого, поскольку она избавила старика от тягот тюремного заключения, суда и публичной казни.

– Погиб еще один слуга, мадам. В соборе Святого Павла.

– Лейн? – Речь госпожи Олдерли стала оживленнее и громче, – похоже, эта тема для беседы нравилась ей больше предыдущей. – Да, это ужасно! – произнесла она с драматизмом, достойным театральных подмостков. – Увы! Бедный Лейн! Вот человек, который полностью оправдал наше доверие. И моего супруга, и меня глубоко опечалила его смерть.

После того как коронер проведет дознание, Лейна тихо предадут земле. Уильямсон сказал мне, что Олдерли предложил оплатить похороны, а значит, церемония пройдет как полагается.

– Должно быть, преступник позарился на несколько пенни в его кошельке? – Госпожа Олдерли подалась вперед. – Вы нашли убийцу? Может, кто-нибудь сообщил вам полезные сведения?

– Очень жаль, мадам, но, насколько мне известно, нет. Времена сейчас настолько сумбурные, что все перевернулось с ног на голову. Но господин Уильямсон разделяет ваше негодование и просит вас обращаться к нему, если он может быть вам полезен.

– Как любезно с его стороны. – Госпожа Олдерли подозрительно прищурилась, – должно быть, она понимала, что никто не предлагает свои услуги просто так. – Но что тут можно предпринять? Если не найдется свидетелей, как же мы упрячем в тюрьму негодяя, убившего Лейна?

– Пожалуй, вы правы.

– Что, если это дело рук одного и того же безумца? – Заметив, что я озадачен, она пояснила: – Я про Джема – человека, напавшего на моего пасынка. Раз он готов был пойти на убийство в нашем доме, возможно, ему уже приходилось убивать за его пределами.

– Весьма изобретательная догадка, мадам. – К тому же это объяснение очень удобно: оно позволяет разрешить дело без лишних хлопот для семейства Олдерли. – Пожалуйста, скажите, кто ближайший родственник Лейна?

– Насколько я знаю, брат. Он сейчас в Вест-Индии, служит моряком на одном из королевских судов, и весьма успешно. А почему вы спрашиваете?

– Сундук с вещами Лейна еще в доме?

– Да. Мой муж будет хранить его, пока брат Лейна не вернется.

– Господин Уильямсон хотел бы, чтобы я осмотрел его содержимое на случай, если внутри обнаружится нечто, указывающее на личность убийцы. Видите ли, вполне можно допустить, что убийство произошло неслучайно.

– Господин Манди – наш мажордом, вы его помните, – уже перебрал вещи в сундуке и составил полный список. Может, вам достаточно будет этого документа?

– Будет лучше, если я взгляну на имущество Лейна своими глазами. Без сомнения, господин Манди просто перечислил вещи, не задумываясь над их назначением.

– Прекрасно сказано, сэр. – Госпожа Олдерли снова улыбнулась так, что мне стало чуть-чуть не по себе. – Вам следовало бы заниматься правом. Или, может быть, вы законник?

В другой жизни для меня был бы открыт и этот путь. В ответ на ее похвалу я лишь улыбнулся и скромно пожал плечами, хотя и был польщен, ведь льстили мне редко.

– А как насчет сундука другого слуги?

– Джема? Кажется, он до сих пор в доме. Я бы его сожгла, но господин Олдерли не позволил. Мой муж во всем неукоснительно следует букве закона. По-моему, в Оксфорде у Джема есть то ли племянница, то ли двоюродная сестра, и мой супруг велел господину Манди написать ей.

– В таком случае разрешите мне взглянуть и на сундук Джема тоже.

– Разумеется, сэр. Господин Манди вас проводит.

Все это время она смотрела на меня, а я на нее. Вдруг мы оба умолкли. Повисла пауза, неловкая и неуместная. Я заерзал в кресле, и оно дважды скрипнуло подо мной. В тишине этот звук показался оглушительно громким.

Госпожа Олдерли перевела взгляд на горничную: та по-прежнему сидела, усердно склонившись над шитьем.

– Энн, отведи господина Марвуда к мажордому. Скажи господину Манди, чтобы оказывал нашему гостю все возможное содействие.

Господин Манди, строгий человек, исполненный сознания собственной важности, повел меня вниз, в ту часть дома, где жили слуги. Трудно было представить, что два дня назад этот степенный и добропорядочный джентльмен до смерти забил старика плеткой-девятихвосткой.

– Кажется, в прежние времена в Сити работал печатник по фамилии Марвуд? – спросил Манди, когда мы спускались по лестнице. – Насколько помню, республиканец? «Пятый монархист?»

– Может быть, сэр. Не знаю.

– Если не ошибаюсь, того Марвуда посадили в тюрьму, когда король занял свой законный трон. Стало быть, он вам не родственник?

– Нет, сэр. Я родом из Челси.

Я уже привык уходить от подобных вопросов, ведь Марвуд – фамилия редкая. А Манди я раскусил: ведет себя как джентльмен, но служит мажордомом у богатого человека. Таких, как

он, в Лондоне великое множество: эти люди лишились своих поместий и поэтому еще упорнее цепляются за свой былой статус.

Вслед за мажордомом я дошел до запертой комнаты возле кухонь Барнабас-плейс. Здесь на дощатых полках хранились сундуки с вещами слуг – одни побольше, другие поменьше. Манди указал на два сундука на нижней полке. Они были грубо сколочены из сосновых досок, углы укрепили при помощи узких полосок металла. Оба сундука около двух футов в длину и восемнадцати дюймов в высоту и ширину.

Манди предоставил мне самому перетаскивать сундуки на стол, стоявший под маленьким окошком в дальней части комнаты.

– Не понимаю, зачем вам их осматривать, – произнес мажордом. – В этом нет ни малейшей необходимости. Я составил полную опись.

– Я должен следовать приказу, сэр. Мне велено обыскать сундуки, и я обязан исполнить волю моего начальника.

Под замком ближайшего сундука на дереве кочергой был выжжен знак, напоминающий букву «Л». Манди повернул ключ в замке, поднял крышку и отошел.

Я стал разглядывать содержимое. Внутри сундука слуги скрыта его частная жизнь, запертая в тесном пространстве. Все остальное, что у него есть, – время, труд, ливрея, преданность – принадлежат хозяину, но сундук – его личная собственность. Если не считать нескольких предметов одежды, среди которых был зимний плащ, имущество Лейна составляли две позолоченные пряжки, кружка из рога, нож со сточившимся лезвием, трубка, мешочек с остатками засохшего табака и астрологический альманах, напечатанный форматом в одну восьмую долю листа.

Я взял альманах и взглянул на титульный лист.

– Он что же, был диссентером?⁴ – спросил я.

Манди сразу выпрямился:

– Сэр, все наши домочадцы посещают государственную церковь и следуют ее правилам и обиходу.

– Как долго Лейн служил у господина Олдерли?

– Два-три года. Госпожа Олдерли наняла его, когда ее муж был во Франции.

– Вы были довольны его работой?

– В целом – да, сэр. Он отличался чистоплотностью и воздержанностью. Другого слугу я бы в доме не потерпел.

– Хорошо ли к нему относились остальные слуги?

– Наверное. – Манди пожал плечами, давая понять, что подобные мелочи недостойны его внимания. – Насколько мне известно.

– Почему во вторник он был не в Барнабас-плейс?

– Лейн ушел после обеда. Хозяин послал его в Уайтхолл с кольцом, которое подогнали по размеру для сэра Дензила Кроутона.

Я поднял взгляд от книги:

– Джентльмена, обрученного с племянницей господина Олдерли?

– Кольцо – подарок сэру Дензилу от госпожи Ловетт в честь их помолвки. А я ведь предупреждал госпожу Олдерли, что неразумно доверять слуге такую драгоценность.

– Стало быть, когда в тот вечер Лейн не вернулся, вы пришли к выводу, что он сбежал с кольцом?

– Верно. – Манди расправил плечи и поджал губы. – Согласитесь, предположение вполне естественное. – Он говорил напыщенно, гнусаво и монотонно: от такого голоса слушатели или уснут, или потеряют нить рассуждений. – Однако Лейн отдал кольцо сэру Дензилу лично в

⁴ *Диссентер* – в Англии одно из наименований протестантов, отклонившихся от официально принятого вероисповедания.

руки. Когда сэр Дензил обедал здесь в среду, кольцо было у него на пальце. И я снова видел эту драгоценность меньше часа назад, когда сэр Дензил наносил визит госпоже Олдерли.

– То есть до Уайтхолла Лейн все-таки добрался?

– Да. С тех пор его никто не видел.

«А потом его тело нашли среди руин часовни епископа Кемпа в нефе собора Святого Павла».

– Уверен, что это дело рук католиков, – выпалил Манди. – Им не нужны причины, чтобы убивать честных протестантов.

Мажордом отпер второй сундук, принадлежавший Джемму. Под замком тоже были выжжены инициалы владельца. Как бывший подмастерье печатника, я по достоинству оценил пропорциональные буквы. Ровные и аккуратные, они даже были снабжены засечками.

– Ваши слуги умели читать и писать? – спросил я.

– Эти двое? – Манди пожал плечами. – По знакам на их сундуках и так видно. Читал Лейн более или менее сносно, но с трудом мог написать даже собственное имя. А Джем способен был сам написать все, что ему нужно, и читал он не хуже меня. Этот человек утратил свое былое положение. Без сомнения, причиной тому его пороки. – Мажордом поднял крышку сундука. – Джем ничего не нажил, кроме ни на что не пригодного хлама. Хотя чему тут удивляться? Старик ведь был со странностями.

Сверху лежал заношенный саржевый камзол. Под ним я обнаружил небольшую серебряную чашу, Библию, которая была напечатана так неровно и таким крошечным шрифтом, что читать ее было практически невозможно, потрескавшуюся глиняную миску с криво нарисованной по кайме охровой полоской и куклу дюймов пяти в длину, вырезанную из цельного куска дерева. Лицо игрушки было плоским, черты лица – крошечными и невыразительными. Вместо глаз черные точки. Рот – выцветшая красная черточка. Кукла была одета в рваное платье из голубого хлопка.

Манди покрутил чашу:

– Эта вещь представляет кое-какую ценность. Джем, наверное, забрал ее с собой из дома прежних хозяев. А может, она ему от родных досталась. Слышал, в прежние времена его отец был служителем церкви, но он вел безбожную жизнь, и его лишили сана.

– Госпожа Олдерли сказала, что раньше Джем был слугой в доме первой жены ее мужа.

– Так и есть. Его бывшие хозяева – семья госпожи Ловетт. – Манди нахмурился. – Но о них лучше не говорить.

– Почему? – спросил я.

Манди положил чашу обратно в сундук:

– Вы закончили, господин Марвуд? Меня ждут.

– Одну секунду, сэр.

Я вернулся к сундуку Лейна, отчасти потому, что чувствовал: Манди меня торопит. Я опять взял альманах. Поднеся его к окну, я стал переворачивать страницы, чтобы на свету разглядеть бумагу повнимательнее.

Будучи сыном своего отца, я сразу определил, что бумага французская: ее часто используют для книгопечатания. Водяной знак в виде стилизованной грозди винограда говорил о том, что бумагу изготовила весьма уважаемая мануфактура в Нормандии, при производстве использовавшая только чистейший белоснежный лен. Шрифт четкий, текст набран аккуратно, наборные буквы в кассе, скорее всего, совсем новые, а работа выполнена человеком, знавшим свое дело.

Переплет свидетельствовал о том же. Иными словами, книгу подобного качества никак не ожидаешь увидеть в сундуке у слуги, толком не умеющего писать собственное имя.

Я закрыл альманах и положил его обратно в сундук Лейна, убрав книгу под плащ. Что-то вонзилось в мой палец, и я отдернул руку, вскрикнув от боли.

– Что там? – спросил Манди.

Я сжал подушечку указательного пальца правой руки, и на кончике выступила круглая капелька крови.

– Что-то острое.

Слизнув кровь, я поднял плащ. Посередине дно сундука разделяла на две половины рейка: ее прибили туда гвоздями, чтобы сундук был крепче. Одна из шляпок гордо возвышалась над остальными, края у нее были неровными и при этом достаточно острыми, чтобы проткнуть кожу. Параллельно этой рейке тянулись еще две – одна справа, другая слева. Я обратил внимание, что центральная рейка сделана из другого дерева. Эта древесина была волокнистее, а сама рейка выглядела новее и казалась чуть толще. Гвозди на вид были новыми, и их вбили неровно, в отличие от гвоздей с другой стороны, потемневших от времени и глубоко вколотых в мягкую древесину.

В тайниках я немножко разбирался. Будучи в расцвете сил, мой отец, как и многие печатники, иногда занимался плотницкой работой, а порой ему нужно было спрятать бумаги или небольшие предметы. Я достал нож, подsunул лезвие под центральную рейку и, используя нож как рычаг, стал отрывать ее от дна сундука. Гвозди, которыми она была прибита, оказались намного короче, чем можно было предположить по размеру шляпок.

– Господин Марвуд! Я не могу допустить, чтобы вы ломали вещи одного из наших слуг, пусть даже...

Но Манди осекся, когда я повернул нож и выдернул рейку. Под ней в днище сундука было проделано мелкое неровное углубление примерно четырех дюймов в длину и двух дюймов в ширину. Внутри лежал плоский бумажный сверток.

Я вытащил его. Бумага оказалась неожиданно тяжелой. В складках что-то заскользило. Из свертка выпала гиней, за ней вторая, третья, а потом еще три монеты. Я взял одну из гиней и поднес ее к свету. Золото засияло, отчего монета стала похожа на маленькое солнце. Гиней была отчеканена в этом году. 1666.

– Советую добавить их в вашу опись, сэ, – произнес я.

Взяв бумагу, я разгладил ее, прежде чем снова завернуть в нее деньги. На внутренней стороне было что-то написано аккуратным почерком ученого человека: «Колдридж. ПСП».

Я потер лист между большим и указательным пальцами и поднес его к свету. Еще до того, как я заметил часть виноградной грозди, мне уже стало ясно, что передо мной, по всей вероятности, форзац, вырванный из альманаха, который я только что листал.

Шесть недавно отчеканенных гиней. Дорогой альманах в сундуке у полуграмотного слуги. И написанные аккуратным почерком слова: «Колдридж. ПСП».

Прежде чем покинуть Барнабас-плейс, я попросил, чтобы меня снова отвели к госпоже Олдерли. Меня проводили в гостиную. Хозяйка сидела и писала за длинным столом, а ее угрюмая горничная шила у окна.

Госпожа Олдерли вскинула голову.

– Что-нибудь нашли? – без предисловий спросила она.

– Очень немного, мадам. – Я взглянул на горничную – та склонилась над работой – и тихонько прибавил: – У Лейна в сундуке есть тайник, внутри было спрятано шесть гиней.

– И что с того? Полагаю, это его накопления.

Возможно, госпожа Олдерли права, хотя для слуги сумма немалая. Непохоже, чтобы монеты были в употреблении. Тайник устроен недавно: следы на дереве не успели потемнеть от времени.

– На листе бумаги, в который были завернуты гиней, кое-что написано.

Вдруг насторожившись, госпожа Олдерли выпрямилась:

– Вот как? И что же?

– «Колдридж. ПСП». Вам известно, что это означает?

Хозяйка покачала головой и сразу утратила интерес к этой теме:

– Откуда мне знать?

– По словам господина Манди, Лейн почти не умел писать. Возможно, эти слова написаны рукой Джема? Но тогда что эта бумага делает в сундуке у Лейна?

Я ждал, но госпожа Олдерли молчала.

– В четверг вы сказали господину Уильямсону, что раньше Джем служил у родственника первой жены вашего мужа, – произнес я.

Она поглядела на меня так, будто упоминание об этом ее не только удивило, но и рассердило.

– Да, он служил у отца племянницы моего мужа, госпожи Кэтрин Ловетт. Но кровного родства между ней и господином Олдерли нет, она дочь брата его первой жены. Джем работал у ее отца, когда они жили на Боу-лейн – это недалеко от Чипсайда. Потом он вместе с Кэтрин перебрался в дом ее тети, а оттуда переехал к нам вместе с ней.

– В таком случае могу я побеседовать с госпожой Ловетт? – спросил я. – Если Джем бывший слуга ее отца, она, вероятно, знает о нем больше.

– Это невозможно. Моя племянница сейчас в отъезде, она гостит у друзей в деревне. Бедняжка плохо переносит летнюю жару, а из-за Пожара Кэтрин стало еще хуже, поэтому ее дядя решил, что смена обстановки пойдет ей на пользу. – Госпожа Олдерли взяла перо и склонилась над письмом. – Можете расспросить ее про Джема, когда она вернется. Когда будете говорить с господином Уильямсоном, пожалуйста, упомяните обо мне и поблагодарите его за то, что он был к нам так добр.

II

Пепел и вода

6 сентября – 31 октября 1666 года

Глава 11

Разгоряченная и грязная, Кэт добралась до двора «Трех петухов» ранним утром в четверг, 6 сентября. Пожар все еще бушевал, но ветер переменялся: теперь он дул не в восточном направлении, а в южном и к тому же утратил силу. Даже поглощенная тем, чтобы пробраться сквозь толпу, Кэт обратила на это внимание. Во время Пожара все следили за ветром.

У девушки не было ничего, кроме того, что на ней надето, небольшого узла с вещами и предмета, который Джем вложил ей в руку, когда она сбегала из Барнабас-плейс. После нападения кузена Эдварда Кэт до сих пор страдала от постоянной тупой боли. При резких движениях боль становилась такой сильной, что у Кэт перехватывало дыхание. Бедрa и руки были покрыты синяками.

В любую другую ночь во дворе «Трех петухов» в этот час было бы темно и тихо: двери заперты на засовы, окна закрыты ставнями. Но сейчас обычный порядок вещей перевернулся с ног на голову. В небе сияло огненное зарево, заливая двор зловещим светом. Половину двора занимала тяжело нагруженная повозка.

Дом госпожи Ноксон находился рядом с домом аптекаря, который Кэт узнала по вывеске со ступкой и пестиком, раскачивавшейся над входом. Дверь была открыта. С крыльца спускались два носильщика с парой вирджианалов⁵, а вокруг, будто взволнованный терьер, носился молодой джентльмен.

За ними в коридоре стояла видная женщина среднего роста с пышными формами. В отличие от мужчин она сохраняла полную невозмутимость. В руке женщина держала листок бумаги.

– За обеды, заказанные в комнату, с вас причитается тридцать пять шиллингов, сэр, – произнесла она резким голосом, легко перекрывая шум во дворе. – И попрошу расплатиться незамедлительно, иначе вам придется оставить всю прочую мебель здесь в счет уплаты долга.

Кэт тем временем протискивалась мимо повозки. Заметив девушку, хозяйка жестом велела ей подождать и продолжила разговор с молодым джентльменом. По лестнице не без труда спустился крепкий рыжий слуга с ящиком в руках.

– Погоди выносить вещи, Джон, пусть он сначала расплатится. Поставь ящик в коридоре. Слуга подчинился. Заметив Кэт, парень уставился на нее.

– Нечего витать в облаках, – сердито бросила хозяйка. – Сходи наверх за остальными вещами.

Наконец молодой джентльмен уплатил по счету и отбыл вместе со своей повозкой, а хозяйка спустилась с крыльца и поманила Кэт:

– Кто вы?

– Вы госпожа Ноксон?

Та осмотрела девушку с ног до головы, и ее взгляд остановился на узле под мышкой Кэт.

– Кто ее спрашивает?

– Меня прислал Джем.

⁵ *Вирджианал*, или *вёрджинел* – клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

– Вот как? Что за Джем?

Кэт порылась в кармане и вытащила предмет, который ей дал старый слуга. Это оказался темный гладкий, почти плоский камешек овальной формы, видимо подобранный на галечном пляже. Его пересекала белая прожилка другого минерала. В огненном зареве она казалась оранжевой. Если приглядеться, прожилка напоминала выведенную нетвердой рукой букву «М».

Может быть, «М» означает «Марта»? Взяв камешек, госпожа Ноксон некоторое время разглядывала его, а потом убрала в карман.

– Вы госпожа Ловетт, – тихо произнесла она.

– Да.

– Вам нужна крыша над головой. – Это был не вопрос. – Надолго?

– Не знаю. – Кэт с трудом сглотнула: у нее пересохло в горле. – У меня есть деньги, но совсем мало.

Госпожа Ноксон оглядела Кэт придирчиво, будто вещь, которую намеревалась купить:

– Госпоже Ловетт здесь жить нельзя – как, впрочем, и любой другой юной леди. В этом доме снимают комнаты холостые джентльмены.

Кэт повернулась, готовая выйти на улицу: дверь, ведущая со двора, до сих пор была открыта.

– Вам необязательно уходить, – произнесла госпожа Ноксон. – Но остаться вы можете лишь в качестве служанки. Будете работать за кров и стол.

– Я работы не боюсь.

– А зря – потом узнаете почему. Ну так что? Останетесь как прислуга или уйдете как леди?

– Останусь.

Госпожа Ноксон скрестила руки на груди и устремила на Кэт пристальный взгляд:

– Значит, теперь ты служанка.

Кэт почтительно присела:

– Как вам будет угодно, госпожа.

– Тогда закрой дверь и иди на кухню.

Госпожа Ноксон провела Кэт в дом и окликнула слугу, велев тому запереть двор на засов. На кухне она понизила голос и произнесла:

– В этом доме тебя будут звать Джейн.

– Да, госпожа. Джем вам обо мне рассказывал? Предупреждал, что пришлет меня сюда?

Госпожа Ноксон хлопнула рукой по столу:

– О Дžeme даже не заикайся. Пока ты под моей крышей, ты Джейн, просто Джейн. Делай что велю и не задавай глупых вопросов.

– Но я должна объяснить, почему...

– Ничего не желаю знать, – возразила госпожа Ноксон. – Так спокойнее.

Богатый оксфордский галантерейщик приобрел здание во дворе «Трех петухов» в качестве доходного дома. Оно стояло в вымощенном каменными плитами дворе рядом с тремя соседями. Узкий переулок с северной стороны вел к Стрэнду и Темпл-Бар.

Главные апартаменты сдавали одиноким джентльменам. Всего жильцов было трое, но в настоящий момент в доме остался только господин Хэксби. Этот пожилой чертежник отличался вздорным нравом. Он работал над неким проектом вместе с доктором Реном, архитектором и математиком, которого король включил в комиссию по восстановлению Лондона, что сразу вызвало у Кэт живой интерес.

Галантерейщик назначил госпожу Марту Ноксон домоправительницей. Раньше она была горничной супруги хозяина и, если верить намекам Марджери, его любовницей. Марджери

занималась готовкой, но госпожа Ноксон не разрешала ей прислуживать за столом, поскольку считала ее слишком неряшливой. Еще в доме работали слуга по имени Джон и десятилетний мальчик, хлопот от которого было больше, чем пользы. Последний спал в хижине наподобие собачьей будки, пристроенной к дымоходу.

Прислуге сказали, что Джейн – дальняя родственница госпожи Ноксон, приехавшая из деревни под Оксфордом. Слуги понимали, что это, скорее всего, неправда и загадочная молодая женщина по имени Джейн – самозванка, обманом проникшая в их мир, но все боялись госпожу Ноксон, поэтому не задавали вопросов и держали рот на замке.

Кэт исполняла все, что прикажут, и лишней раз не раскрывала рта. Ну а если отмолчаться не выходило, она старалась говорить поглубже, подражая интонациям других слуг и повторяя их выражения. Остальные считали новую служанку гордячкой, но не трогали ее, опасаясь гнева госпожи Ноксон. Неожиданно Кэт нашла определенное удовольствие в том, чтобы превратиться в кого-то другого и стать Джейн.

Работа часто была тяжелой, но ее обязанности были Кэт не в новинку. Ее готовили не только к тому, чтобы вести дом, но и научили управляться на кухне, убирать и всему прочему, что хозяйки обычно поручают слугам: труд – душеспасительное занятие, прививающее женщине скромность, а это благое качество и в глазах Бога, и в глазах человека. К тому же обзавестись подобными навыками весьма благоразумно: собственные умения помогают женщине лучше распоряжаться прислужгой.

Неприятным открытием для Кэт стала не сама работа, а то, что чувствует служанка, драя полы в чужом доме. На это дело смотришь совсем по-другому, когда полы принадлежат тебе и твоей семье.

Воспоминания о прошлой жизни казались Кэт далекими, будто все это происходило не с ней. А впрочем, она слишком уставала, чтобы погружаться в долгие размышления. Но изнуряющий труд был ей даже на пользу, ведь иногда Кэт удавалось забыть, что она сделала с Эдвардом и во что теперь превратилась ее жизнь.

Как только Кэт поднималась на чердак, который делила с Марджери, едва державшаяся на ногах девушка падала на тюфяк как подкошенная. И все же ей снились кошмары, и в них Кэт являлся кузен Эдвард, а вместе с ним появлялся страх: а вдруг она носит его ребенка? В первую ночь Кэт проснулась от собственных криков сама и разбудила Марджери.

Через два дня после появления Кэт в доме госпожа Ноксон позвала ее в каморку рядом с кухней. Глаза хозяйки покраснели и опухли.

– Я должна тебе сказать, что моего дяди больше нет в живых.

– Ах, госпожа...

Глаза Кэт наполнились слезами. Джем.

– Никому об этом не говори. Траура не будет. Мы его не знаем и никогда не знали. Ясно? За всю жизнь не встречала большего дурака, чем он!

Но камень, который Джем передал для нее через Кэт, госпожа Ноксон хранила вместе с деньгами, ключами, кольцами и другими ценными вещами.

Тем вечером Кэт заснула в слезах. Она старалась плакать потише, боясь опять разбудить Марджери. Без Джима у нее не осталось никого, кто любил бы ее всей душой, несмотря ни на что. Без него она совсем одна. Если только отец не отыщет ее.

Если верить досужей болтовне слуг, женщина, не получившая удовольствия во время соития, понести не может. Но эти рассуждения казались Кэт неправдоподобными – в первую очередь потому, что она не представляла, какая женщина способна получить удовольствие от подобного вторжения в собственное тело, пусть даже не насильственного.

Кроме того, она видела, как этим делом занимаются животные на ферме и полях Колдриджа. Уж для самок совокупление точно было скорее суровой необходимостью, чем наслаждением.

Страх беременности не покидал Кэт. Что может быть хуже, чем носить ребенка Эдварда, зачатого при таких ужасных обстоятельствах? Этого Кэт боялась даже больше, чем ареста за убийство Эдварда.

Она произвела подсчеты. Вероятно, Эдвард все-таки жив. Будь он убит, новость к этому времени добралась бы даже до двора «Трех петухов» и подвальной кухни, вокруг которой теперь вертелась жизнь Кэт. Олдерли – настолько высокопоставленное семейство, что подобное известие распространилось бы по городу даже быстрее Пожара.

Убийство не скрыть даже за высокими толстыми стенами Барнабас-плейс, но утаить преступления помельче вполне возможно. К примеру, нападение и избиение. Или изнасилование.

В начале четвертой недели в услужении у госпожи Ноксон у Кэт заболело внизу живота и пошла кровь. Некоторые мужчины полагают, будто ежемесячные выделения женщин полны вредных соков: якобы от них сахар чернеет, вино киснет, а маринованное мясо становится горьким. «Мужчины такие глупцы, что поверят в любую чепуху», – подумала Кэт. Госпожа Ноксон дала ей не только тряпицы, чтобы они впитывали кровь, но и настойку валерианы и ириса для облегчения боли.

Но и неприятные ощущения, и неудобства только радовали Кэт. Забеременей она, пришлось бы искать способ избавиться от ребенка.

Постепенно Кэт поняла, что столкнулась с новой проблемой в лице слуги Джона. Это был высокий широкоплечий парень, в душе больше деревенский, чем городской, с рыжими волосами, ярко-голубыми глазами и плоским лицом, цвет и форма которого ассоциировались у Кэт с сырой бараньей ногой. Кухарка Марджери считала, что юноши красивей его не сыскать не только в Лондоне, но и на всем белом свете. Джон наслаждался ее обожанием и даже под настроение отвечал на него скромными знаками внимания.

Но потом во дворе «Трех петухов» появилась Кэт, и, несмотря на все ее старания казаться скучной, ничем не примечательной дурнушкой, Джон не мог оторвать от новой служанки глаз. Даром красноречия Джон не владел, однако выражал свои чувства другими способами. Он краснел, когда Кэт входила в комнату. словно ниоткуда возникал рядом с ней, когда она выносила помои, и огромными ручищами брал у нее кухонные горшки. Однажды, когда мальчишка завел привычку дерзить Кэт, Джон дал ему по уху с такой силой, что сбил паренька с ног.

Последствием этой нежеланной безответной влюбленности стало то, что Марджери люто возненавидела Кэт.

Глава 12

Наконец, спустя полтора месяца после Пожара, хлынул дождь.

Кэт стояла у чердачного окна и, шурясь, глядела на уцелевшие крыши и неровные очертания руин, оставшихся от башни собора Святого Павла.

После Пожара случались и кратковременные дожди, и пасмурные дни, когда небо было затянуто тяжелыми серыми тучами, но летний зной смешался с жаром от огня и задержался намного дольше положенного. Но этот дождь был другим. Он падал с неба плотными серебряными струями, будто воду лили через дуршлаг.

К тому же значительно похолодало. Эта перемена радовала меньше. Кэт сошла на первый этаж по крутым ступенькам лестницы – эта конструкция была немногим основательнее стремянки, – а оттуда спустилась в подвал. В кухне стоял запах хлеба. Значит, в ее отсутствие приходил мальчишка из пекарни.

– Почему ты так долго не шла? – набросилась на нее госпожа Ноксон. – Опять замечталась? Нет, так не годится. В моем доме нерадивых слуг не потерплю. Мне пришлось самой открывать мальчишке дверь.

Кэт сделала книксен и извинилась. За последнее время она научилась вести себя кротко, а также откликаться на новое имя и прибегать по первому зову, будто собака. Собака по кличке Джейн. Оба урока дались ей нелегко.

– Сходи к бочке за пивом.

Кэт направилась к выходу, а госпожа Ноксон между тем накрывала поднос, который служанка должна была отнести наверх. В выражениях госпожа Ноксон не стеснялась, и «Джейн» не раз имела возможность в этом убедиться. Поначалу Кэт ужасно злилась: как смеет эта женщина разговаривать с ней в подобном тоне, особенно когда рядом никого нет? Но позже Кэт смирилась с неизбежным.

Ее положение изменилось, а значит, она сама тоже должна меняться. Со временем Кэт научилась различать настроения хозяйки: когда госпожа Ноксон злится не на шутку, когда ее раздражение никак не связано с Кэт и когда она ругает служанку без причины для ее же блага – так же, как няня Кэт регулярно давала ей слабительное.

Налив в кувшины пиво из бочки в судомойне, Кэт отнесла их на кухню.

– Бери поднос. Господин Хэксби уже встал. Сегодня цирюльник придет его брить, и он хочет успеть позавтракать.

Кэт постучала в дверь господина Хэксби, и он пригласил ее войти. Постоялец был одет по-домашнему: халат, косынка на бритой голове. Сидя за столом у окна, он уже приступил к работе.

– Поставьте на сундук, – не поднимая глаз, велел он служанке. – И налейте мне пива.

Кэт подчинилась и подала ему кружку. Хэксби взял ее, даже не взглянув на девушку. Она попыталась рассмотреть, над чем он работает. Перед ним лежал маленький листок бумаги. Кэт заметила чернила, но ни линейкой, ни циркулем чертежник не пользовался.

«Наверное, его осенило», – подумала Кэт. Бывает, что идеи приходят ночью и их нужно поскорее перенести на бумагу, пока они не рассеялись при дневном свете.

На листе было изображено нечто крестообразное. Наверняка церковь. А вот и восьмиугольник, где встречаются четыре крыла здания. Видимо, здесь должен быть огромный купол, как у собора Святого Петра в Риме. Расходящиеся от трансептов плавные внешние контуры были устремлены к нефу и клиросу, смягчая прямые углы, под которыми трансепты соединялись с продольной осью строения.

Неужели перед ней собор Святого Павла? Новый собор Святого Павла?

Господин Хэксби отпил глоток пива. Пролит несколько капель на стол, он вытер их платком. Чертежник поднял голову, однако он смотрел будто сквозь Кэт, толком ее не разглядев.

– Вы что-то хотели, Джейн?

– Ничего, сэр.

– В таком случае можете идти.

Во вторник, на следующий день после ливня, Кэт мыла и натирала воском полы и деревянные панели в гостиной. Девушка еще не управилась и с половиной работы, когда в комнату вошла госпожа Ноксон.

– Ты должна сходить в собор Святого Павла, – распорядилась она. – По поручению господина Хэксби. Дело срочное.

Кэт уставилась на хозяйку во все глаза. С момента своего прихода сюда она ни разу не ходила дальше Стрэнда.

– Больше отправить некого, – пояснила госпожа Ноксон и провела пальцем по резному узору на деревянной двери, машинально проверяя, нет ли пыли. – Дорогу знаешь?

Кэт кивнула. Она выросла на Боу-лейн, к востоку от собора Святого Павла, и ее детство прошло на улицах между Чаринг-Кросс и Тауэром.

– Я бы послала Джона, но он сейчас в Вестминстере. Марджери за порог пускать нельзя – сразу заблудится. Остаешься только ты.

Не было нужды добавлять, что мальчишке для такого поручения не хватит ума, а сама госпожа Ноксон никуда не пойдет, поскольку это было бы ниже ее достоинства.

– Да и вообще, тебе не мешает как следует пройтись. Подышишь свежим воздухом, а то бледная как смерть.

– Что я должна сделать?

– Господину Хэксби нужна папка. Небольшая, зеленая, лежит на столе у него в комнате.

– Я знаю.

Кэт помнила каждую вещь в комнате господина Хэксби.

– Найдешь его во дворе Дома конвокаций⁶. Знаешь, где это?

– Да, госпожа.

– Покажешь эту бумагу стражникам у ворот, и тебя пропустят. Главное, отдай папку лично ему в руки – на этом он особенно настаивает – и постарайся ее не испачкать. А теперь иди. Смотри, чтобы папка не намочла. Спрячь ее под плащом.

По-прежнему шел дождь, хотя он несколько поутих. Завернувшись в серый плащ, украденный у мужчины возле собора Святого Павла, Кэт шла через развалины Лондона. За Темпл-Бар и первыми несколькими домами Флит-стрит не осталось ничего, кроме руин.

Даже сейчас, полтора месяца спустя, от Темпла до Тауэра Лондон напоминал пустыню. Сити полностью просматривался от одного конца до другого. Все, что осталось от величайшего города в стране, – выгоревшие церкви и обугленные шпили, части каменных стен и леса из кренящихся печных труб, а еще горы пепла и всевозможных обломков. Местами жар был так силен, что камни превратились в известь и приобрели неестественно белый цвет.

Перемена погоды отразилась на всем вокруг, и по большей части в нелучшую сторону. Дождь превратил светлый пепел в темно-серую кашу, липшую к туфлям и сабо и оставлявшую пятна на одежде. Все сходилось во мнении, что зима предстоит тяжелая.

Кэт перешла через Флит-Дич, полную обгоревших обломков. Струйки дыма поднимались над лабиринтом из развалин по обе стороны от Ладгейт-хилла, ведь мусор до сих пор тлел и огонь еще теплился в глубоких, почти лишенных воздуха подвалах.

Та самая приступка для всадников в Ладгейте стояла на своем месте. Хотя языки пламени оставили на ней свой след, она была одним из немногих предметов, узнаваемых после Пожара. Кэт должна была бы стыдиться: вместо благодарности за помощь она укусила тощего молодого человека за руку и украла у него плащ, но чувство вины стало для девушки роскошью, которую она больше не могла себе позволить.

Вскоре Кэт пришла туда, где стояла в тот вечер, когда горел собор Святого Павла. Был ли ее отец внутри? Пополнил ли Томас Ловетт число безымянных жертв? Кэт хотела знать правду, какой бы она ни была. Неизвестность мучила ее. Даже после того, как произошла Реставрация и отец бежал за границу, Кэт знала, что он живет где-то за Ла-Маншем. Время от времени от него приходили письма, отправляемые через неизвестного друга, затем их передавали Джему, а старый слуга приносил их Кэт.

Девушка остановилась, чтобы посмотреть на разрушенный портик. По парадоксальному совпадению этот портик был гордостью ее отца. По профессии он был каменщиком. До войны отец участвовал в строительстве собора под руководством господина Иниго Джонса. Да, господин Ловетт ненавидел англиканскую церковь и все, что имело к ней отношение, включая

⁶ Конвокация – собрание духовенства англиканской церкви.

собор Святого Павла. Но Кэт видела, как он гладил одну из каменных колонн, будто хозяин любимую собаку. С большой неохотой, почти против воли, он говорил о новаторстве и элегантности проекта, по которому создан портик.

Рядом с Кэт прошел носильщик и коснулся рукой ее бедра. Девушка поспешно отпрянула. В прежние времена, не будучи служанкой, она никогда не выходила на улицу без сопровождения. Теперь же она превратилась в мишень для проходивших мимо мужчин всех возрастов – они могли дотронуться до нее, прижаться к ней, попытаться поцеловать, обратиться к ней с непристойным предложением. Кэт удивлялась, насколько мужчины неразборчивы в своих похотливых желаниях.

Во дворе Дома конвокаций толпа глазела на прислоненные к стене тела. Из-за Пожара покой многих, кто был погребен в соборе, оказался потревожен: от жара гробницы распахнулись, а плиты растрескались. От некоторых тел остались одни скелеты. Кости других были покрыты засохшей плотью на разных этапах разложения, на нескольких сохранились обрывки одежды и погребальных саванов. До останков уже успели добраться охотники за сувенирами: тут и там отсутствовали пальцы рук и ног, кисти и ступни, а один скелет лишился черепа.

Госпожа Ноксон рассказывала, что почетное место досталось епископу Брейбруку, не появлявшемуся на людях с 1404 года. Его забальзамированное тело провалилось в церковь Святой Веры в крипте под клиросом. А вот и он собственной персоной, стоит у обугленной стены, ожидая второго пришествия. Епископ прекрасно сохранился: на месте почти все зубы, рыжая борода и волосы, вот только кожа смотрится как выделанная.

В углу между клуатром⁷, где стояло разрушенное здание капитула, и южной стеной нефа была установлена ограда. Ворота охранял сторож с крупной собакой. Взяв у Кэт бумагу, он внимательно ее разглядывал, шевеля губами. Девушка уже изучила этот документ: это был обычный пропуск, подписанный господином Фревином, секретарем капитула. Судя по затертой, засаленной бумаге, до этого его неоднократно использовали.

Но сторож не позволил ей войти даже с пропуском. Спросив, по какому она делу, мужчина велел Кэт подождать. Он послал мальчишку за господином Хэксби. Собака, прикованная цепью к одному из воротных столбов, рванулась к Кэт, и девушка отпрянула, чем явно развешила хозяина пса.

С внезапной грустью она вспомнила о мастифах, оставшихся в Барнабас-плейс. Теперь, когда Джем умер, она не скучала ни по ком из двуногих обитателей этого дома, за исключением разве что тети Оливии, но Кэт не хватало собак, даривших ей свою защиту и безусловную любовь.

Гром, Лев, Жадина и Голозадый. Особенно Голозадый.

Вернулся мальчик. С ним пришел господин Хэксби, высокий, неряшливо одетый и седой – парика он не носил. В его теле все было узким, от длинных ступней до головы, напоминавшей кривой костяной цилиндр, сидевший на узких плечах. Кэт сделала книксен. Хэксби протянул руку за папкой.

– Идите за мной, – приказал он. – Возможно, мне понадобятся другие чертежи, и вы мне их принесете. Когда придет доктор Рен, мне нужно будет с ним поговорить.

Сторож взялся за цепь и оттащил собаку, чтобы Кэт могла войти в ворота. Вслед за господином Хэксби она шла через двор, тянувшийся от внешней стены клуатра до западной части собора.

Сбоку во дворе был установлен навес. Под ним работники разбирали всевозможные предметы, сваленные в кучу возле задней стены. Кэт заметила окованный железом сундук с изогнутой крышкой. К сундуку прислонили мраморный бюст джентльмена в парике, судя по виду, изваянный совсем недавно. Еще Кэт заметила почерневшую памятную табличку из жел-

⁷ *Клуатр* – внутренний двор монастыря или церкви.

той меди с именем почившего священнослужителя и резной трон из раскрашенного дерева, увенчанный епископской митрой.

– Следуйте за мной, – не оборачиваясь, велел господин Хэксби. – Доктора Рена сейчас нет, но он передал, что будет здесь с минуты на минуту и этот чертеж для него особенно важен.

Каменные блоки стояли под открытым небом, некоторые из них были украшены резьбой. Тут Кэт пришла в голову мысль: если собор Святого Павла так и не восстановят, развалины можно будет использовать как гигантскую каменоломню.

Господин Хэксби провел ее в павильон около пятидесяти футов в длину, пристроенный к внешней стене клуатра. Два секретаря стояли у длинного высокого стола и что-то записывали в лежавшие перед ними книги. За ними располагалась полка, на которой были в беспорядке свалены всевозможные ящички и книги. С другой стороны стоял письменный стол, к которому при помощи металлических зажимов прикрепили наклонную доску. Именно к этому столу и направился Хэксби.

– Ничего не трогайте, – предупредил чертежник, оглядываясь через плечо. – Встаньте вон там и обсушитесь возле жаровни.

На доске лежали два плана, их углы были прижаты обгоревшими камнями. Рядом Кэт заметила перья и чернила, а также чертежные инструменты: циркули и линейки, угольники и циркули-разделители, карандаши и перья.

Господин Хэксби положил папку на стол и принялся изучать содержимое. Затем он вернулся к своей чертежной доске. Кэт наблюдала за Хэксби, пытаясь рассмотреть, над чем он работает. «Это определенно не собор Святого Павла», – подумала она. Нет, перед ней нечто намного большее. Кэт разглядела линии, пересекавшиеся друг с другом и образующие что-то наподобие сложной решетки. Что это? Улицы? Город? Неужели весь Лондон?

Чей это чертеж – Хэксби или доктора Рена? А может, они трудились над ним вместе? Кэт слышала, как господин Хэксби говорил, что у Рена очень много работы и у него нет времени вникать в каждую мелочь, кроме того, он слишком часто пропадает в Оксфорде, в Уайтхолле или на встречах с потенциальными заказчиками. Господин Хэксби – его чертежник, практически напарник, хотя все планы подписаны именем доктора Рена.

Рука с пером дрогнула. Хэксби придержал ее другой рукой. Замерев, он сделал глубокий вдох и продолжил работу.

У жаровни Кэт все больше и больше изнывала от жары. Она расстегнула плащ.

В этот момент рука господина Хэксби непроизвольно дернулась и задела чернильницу. Та опрокинулась, и чернила потекли к папке. Хэксби выругался. Чернильница скатилась со стола и упала на пол, оставив за собой след из клякс.

Кэт рванулась к столу. Плащ соскользнул с ее плеч. Она подхватила папку и лежавшие рядом бумаги.

Господин Хэксби посмотрел на нее. Его губы шевельнулись, однако чертежник не произнес ни слова. Кэт положила папку на табурет и наклонилась за чернильницей. На столе лежала тряпка, и Кэт воспользовалась ею, чтобы стереть хотя бы часть чернильных пятен.

Все это время Хэксби не сводил с нее глаз.

– Сэр, – произнесла она тихо, чтобы секретари не услышали, – что с вами? Вы больны? Может быть, мне...

– Замолчите.

Губы Хэксби скривились.

Кэт глядела на планы – они все были похожи.

– Сэр, это ведь Лондон, верно? Точнее, его часть. Но... это другой Лондон.

Чертежник удивленно вскинул брови:

– Как вы догадались?

Кэт указала на скопление геометрических фигур в нижнем правом углу, обозначавшее фортификационные сооружения на северном берегу реки.

– Это Тауэр, сэр, здесь есть подпись. А вот Темза, и Лондонский мост, и...

– Вы умеете читать?

– Да, сэр, а еще я неплохо пишу.

Кэт встречала служанок, обученных и тому и другому, поэтому не видела причин скрывать свои знания. По-прежнему держа в руке чернильницу, она подошла ближе:

– Но на плане все выглядит не так, как сейчас, сэр. Тауэр другой формы. А это место на западе, где встречаются восемь дорог, – что там такое?

– На чертеже не нынешний город. Это возможный план будущего Лондона.

– Вы про Лондон доктора Рена?

– И про мой Лондон, – нахмурившись, заметил господин Хэксби. – По правде говоря, он такой же мой, как и его. Это наше видение того, каким может стать город.

Правая рука Хэксби, лежавшая на столе, опять задрожала. Чертежник накрыл ее левой рукой, прижимая кисть к столешнице. Взглянув на Кэт, он заметил в ее взгляде любопытство.

– Иногда со мной такое бывает, – сердито бросил он. – И в эти моменты я не могу работать.

– Не можете работать, сэр?

Он обвел широким жестом чертежную доску, планы, инструменты.

Некоторое время Кэт смотрела ему в глаза, потом опустила взгляд на два плана. На них была изображена одна и та же юго-восточная часть Сити. Кэт заметила написанные карандашом замеры и пояснения. Наверное, это черновик, и господину Хэксби нужно выполнить чертеж на чистовую. Кэт ужасно хотелось изучить план как следует, чтобы будущие строения приняли перед ее мысленным взором четкие очертания.

Тут со двора донеслись голоса, потом мужской смех. Дверь павильона распахнулась, врезавшись в стену. Вошли двое мужчин.

Одним из них оказался улыбающийся и чуть покрасневшийся доктор Рен.

А вторым – дядя Олдерли.

Его появление не укладывалось в голове у потрясенной Кэт. Дяде Олдерли нет места в ее новом мире, в котором она – служанка и к тому же беглянка.

Господин Хэксби фыркнул:

– Вам лучше подождать, хотя сомневаюсь, что сегодня придется много работать. Во всяком случае, мне.

– Вы непременно должны взглянуть на одну весьма любопытную книгу, сэр, – обратился доктор Рен к господину Олдерли.

Он был моложе и ниже ростом, чем господин Хэксби. Доктор Рен был хорошо одет и к тому же отличался импозантной наружностью – одним словом, настоящий джентльмен.

– Мы нашли ее в гробнице в проходе Святого Павла. Говорят, этот том – ровесник самого собора.

Опустив голову, Кэт поставила чернильницу на стол. Джентльмены направились к полке за столом, за которым в дальней части павильона трудились секретари. Кэт не осмеливалась взглянуть в их сторону. Вся дрожа, она отвернулась, взяла тряпку, которой господин Хэксби промакивал кончики перьев, и стала стирать с пальцев чернильные пятна.

– Вот эта книга, сэр, – сказал доктор Рен дяде Олдерли. – Пожалуйста, взгляните на начальную прописную букву и любопытный рисунок, в который она вписана.

Кэт рискнула бросить на них быстрый взгляд искоса. Доктор Рен открыл массивный обугленный том в кожаном переплете с металлическими деталями. Дядя Олдерли рассматривал книгу. Он стоял к племяннице спиной.

Тут Кэт в голову пришла страшная мысль. Что, если кузен Эдвард тоже с ними? С минуты на минуту он войдет сюда со двора.

– Господин Хэксби, – обратился к чертежнику Рен, – будьте добры, покажите господину Олдерли, что мы обнаружили. Писанину монахов вы разбираете лучше меня.

Пока мужчины стояли отвернувшись, Кэт скользнула вдоль стены и через открытую дверь юркнула во двор. Девушка побежала к воротам. Собаку больше занимали непристойные выкрики зевак возле останков, прислоненных к стене клуатра, поэтому она спокойно дала Кэт пройти. Затерявшись в толпе, девушка поспешила на запад через пепелище и руины Сити.

Пока она была в павильоне, дождь полил сильнее. Капли стекали у нее по щекам, будто слезы, плечи и подол платья быстро намокли. Кэт забыла взять серый плащ.

Глава 13

– Иди наверх, Джейн, – распорядилась госпожа Ноксон, мотнув головой в сторону лестницы.

Было погожее утро, и в огороженный дворик дома проникало солнце. Кэт развешивала на веревке белье, а точнее, мелкие предметы, требующие деликатного обращения, – платки, манжеты и все в таком духе. Госпожа Ноксон предпочитала, чтобы их стирали и гладили под ее личным контролем.

– После того как все развешу, госпожа?

– Оставь белье. Тебя желает видеть господин Хэксби. Или у твоих мозгов сегодня выходной?

Кэт поправила манжеты и поднялась наверх. Девушка сразу насторожилась: она не разговаривала с господином Хэксби с тех пор, как два дня назад сбежала со двора Дома конвокаций. Кэт постучала в дверь его комнаты, и Хэксби велел ей войти.

Он стоял у окна, против света, отчего напоминал высокую сгорбленную тень. Рядом с ним Кэт увидела доктора Рена. Глядя в пространство между двумя мужчинами, девушка сделала книксен. Оба на нее даже не взглянули.

– Новые замеры нужны мне ко второй половине дня, – объявил доктор Рен. – Уж это-то я должен сделать как следует. И я уверен, что король будет доволен.

– Вы обсудите с ним остальное, сэр? – спросил господин Хэксби. – Я про город.

– Попробую. Но вряд ли я чего-то добьюсь. Когда мы встречались с джентльменами из Тайного совета и Совета палаты общин, все сразу стало ясно. – Лицо Рена было бледным и усталым. Он говорил сухо и медленно, как будто слова причиняли ему боль и доктор с трудом их произносил. – Как бы король ни мечтал о новом Лондоне, денег у него нет, и у Сити тоже, а что касается Сити, то желание у него, по-моему, тоже отсутствует. Единственное, что всех интересует, – нажива. Хотя чему тут удивляться? На днях Олдерли отделался от меня красивыми словами. Пока он получает проценты со своих займов, на остальное ему плевать. Все они одинаковы. Интересуются только собственными прибылями и не видят ничего дальше конца следующего квартала.

– А как насчет Таможни, сэр? – хмурясь, спросил господин Хэксби. – С этой стороны затруднений не предвидится?

– Надеюсь, что нет, – если правильно себя поведем. Это ведь как-никак символ королевской власти в сердце Сити, и король понимает его важность. Но составление плана откладывать нельзя, иначе он может и передумать. Я должен доставить исправленные чертежи в Уайтхолл после обеда, поэтому очень вас прошу, как можно быстрее произведите расчеты и перенесите их на чистовой вариант. Вы ведь сможете работать здесь? Служанка принесет вам все, что понадобится. Во второй половине дня я зайду за чертежами по дороге в Уайтхолл.

Хэксби поклонился.

– Когда будете отправлять девушку в лавку, пожалуйста, заодно велите ей купить еще песка. Моя песочница совсем иссякла, и письмо, которое я писал вчера вечером, из-за чернильных разводов выглядит просто неприлично. Чьими услугами вы пользуетесь?

– Финчинга, его лавка возле Темпл-Бар.

Рен взял трость.

– Еще возьмите графит для карандашей. – Доктор в первый раз взглянул на Кэт. – Будете идти обратно – проследите, чтобы бумага не испачкалась и не намокла. Главное, не мните ее и смотрите, чтобы на ней не осталось никаких следов.

Не поднимая глаз, Кэт сделала книксен.

– Вы уверены, что ей можно доверить такое дело? – спросил Рен. – На вид она совсем ребенок.

– Джейн старше, чем кажется, сэр. Она очень смышленная, надежная, а еще весьма проворная.

– Что ж, вам виднее.

Хэксби и Кэт молча слушали, как доктор Рен спускается, постукивая тростью по ступеням. Снизу донеслись голоса, его и госпожи Ноксон, а потом хлопнула входная дверь.

– Почему вы в тот раз убежали? – спросил Хэксби.

– Прошу прощения, сэр. – Отговорка пришла ей в голову быстро. – Меня ждали здесь. Госпожа Ноксон велела мне не задерживаться в соборе Святого Павла.

– Не будь я таким безголовым, сегодня непременно вернул бы вам плащ. Вы тогда забыли его во дворе Дома конвокаций. А теперь к делу – мне понадобится бумага для тонкой работы, два квира⁸

⁸ *Квир* – средневековая единица счета бумаги. Чаще всего квир формировался из четырех сложенных листов пергамента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.